

НИКОЛАЙ ГЕЙНЦЕ

КНЯЗЬ

ТАВРИДЫ

Николай Гейнце
Князь Тавриды

«Public Domain»

1895

Гейнце Н. Э.

Князь Тавриды / Н. Э. Гейнце — «Public Domain», 1895

«На дворе стоял апрель 1791 года. В этот год весна наступила в Петербурге сравнительно рано и день был почти летний. Это, впрочем, не помешало театралам-любителям наполнить сверху донизу Большой театр, бывший в столице еще новинкой, так как открытие его состоялось 22 сентября 1784 года, то есть только за семь лет до описываемого нами времени...»

Содержание

Часть первая. Из кельи во дворец	5
I. В большом театре	5
II. Двойник	9
III. В Таврическом дворце	13
IV. Князь хандрит	17
V. Юность Потемкина	21
VI. Старая графиня	24
VII. По монастырям	28
VIII. Первый луч и первый яд	32
IX. Змея	36
X. Анонимное письмо	40
XI. Двойной выстрел	43
XII. Предсмертная записка	47
XIII. Вещий сон	51
XIV. Страшный замысел	54
XV. При дворе	57
XVI. Сообщник	60
XVII. Страшный торг	63
XVIII. На чистоту	67
XIX. Екатерина – человек	71
XX. Императрица	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Николай Гейнце Князь Тавриды

Часть первая. Из кельи во дворец

I. В большом театре

На дворе стоял апрель 1791 года.

В этот год весна наступила в Петербурге сравнительно рано и день был почти летний.

Это, впрочем, не помешало театрам-любителям наполнить сверху донизу Большой театр, бывший в столице еще новинкой, так как открытие его состоялось 22 сентября 1784 года, то есть только за семь лет до описываемого нами времени.

В шестом часу вечера уже начался первый акт оперы Гольдини «На луне», и зрители с напряженным вниманием следили за игрой артистов, восхищаясь музыкой знаменитого композитора того времени Паизиэлло.

В эту эпоху спектакли начинались обыкновенно в пять часов вечера и кончались не позднее десятого часа.

На одной из скамеек партера сидел красивый молодой человек в форме гвардейского офицера. Высокого роста, с выразительными темно-синими глазами, с волнистыми светло-каштановыми волосами на голове и на усах, с правильными чертами матово-бледного лица, он невольно обращал на себя взгляды мужчин и женщин с различными, впрочем, выражениями. Во взглядах первых проглядывало беспокойство, у вторых же они загорались желанием.

Надо заметить, что в то время в Большом театре кресел было всего три ряда и садились в них одни старики, важные сановники. В ложах второго яруса можно было видеть старух, с чулками в руках, и стариков – купцов в атласных халатах, окруженных чадами и домочадцами.

Молодой офицер, видимо, недавно находился в столице, так как во время антрактов и даже самого действия с любопытством провинциала осматривал на самом деле великолепно отделанную и освещенную театральную залу.

Вдруг взгляд его остановился на сидевшей одиноко во второй от сцены ложе первого яруса молодой даме. Она была брюнетка лет под тридцать, ее черные волосы прекрасно окаймляли белое лицо, на котором рельефно выделялись розовые губки.

Гармоническое сочетание линий, изящество форм, не исключавшие некоторой полноты – таковы были отличительные черты этой удивительной женщины; дальность расстояния не мешала ему любоваться ею, но он догадывался, что она выиграла еще более, если бы было возможно посмотреть на нее поближе.

Было, пожалуй, несколько заносчивости в этих прелестных глазах, оттененных черными густыми бровями, в складках этого розового и улыбающегося рта; слишком много соблазнительного кокетства обнаруживалось, пожалуй, в ее манере держаться и поправлять складки своего платья, но это утрирование принадлежало именно к числу тех недостатков, в которых можно упрекнуть почти всех хороших, знающих себе цену женщин.

Но странная вещь. Когда глаза молодого офицера остановились на ложе, в которой сидела молодая женщина, ему показалось, что она сделала как бы совершенно незаметное движение удовольствия, тотчас же сдержанное и чуть-чуть кивнула головой.

Это его поразило. Он машинально посмотрел вокруг себя, желая узнать, кому относится этот грациозный кивок, этот мимический разговор незнакомки, но увидел вокруг себя

только почтенных старичков, которые ни в каком случае не могли принять на себя проявление чувств красавицы.

Неужели эта тонкая улыбка была предназначена ему? Неужели это он вызвал беглое и мимолетное движение мечтательных глаз, которые затем с очевидною аффектацией то стали обращаться на сцену, то обводить зрителей.

Вся кровь бросилась в голову молодому офицеру. Сначала, впрочем, он этому не поверил, потом невольно поддался мысли о возможности такого внимания.

Самолюбивое чувство укреплялось в его сердце, и когда, к концу второго акта оперы, тот же кивок головой был сделан в третий раз, он храбро отвечал на него таким же кивком и улыбкой.

К каким последствиям все это могло повести? Каким очарованием или каким горем может окончиться это приключение? Каким образом он мог даже продолжать его, совершенно незнакомый с нравами и жизнью Петербурга?

Все эти вопросы лишь на мгновение мелькнули в голове молодого человека, так как когда он самодовольно ответил на последний знак, дама в ложе, видимо, обрадовалась, что ее поняли.

Когда окончился третий акт, молодой человек вышел в коридор взять оставленную шинель.

Капельдинер, который, казалось, кого-то ожидал, быстро приблизился к нему и сунул ему в руку маленький клочок бумаги, сложенной вчетверо.

Молодой человек развернул и прочел написанное наскоро карандашом следующее:

«Приезжайте сегодня вечером, вас ждет карета на площади, в стороне от других. Позвольте, прекрасный мечтатель, отвезти вас туда, куда зовет вас любовь».

Он дважды прочел эту записку и тотчас же решился. Этот «прекрасный мечтатель» совершенно вскружил ему голову. Не долго раздумывая, он победоносно пробрался сквозь густую толпу, наполнившую сени театра, и вышел на площадь, где действительно заметил стоявшую в стороне от других экипажей карету.

Слуга, одетый в черную ливрею, стоял у дверцы. При приближении офицера он отворил ее, подножка опустилась и молодой человек без дальних рассуждений вскочил в карету.

Как только дверцы захлопнулись, молодой офицер почувствовал, что несется к неизбежному, увлекаемый какою-то неизвестною целью – его охватило странное, невыразимое ощущение. Тысячи смутных волнений поочередно сменялись в его душе: беспокойное любопытство, раскаяние в легкомыслии, радостная жажда предстоящей любви, которая, во всяком случае, не могла представляться особенно мрачною, так как была возвещена такими прелестными ручками и такою обольстительною улыбкою.

Была минута, когда ему приходила в голову тревожная мысль; он читал французские романы, где герой женскими интригами вовлекался в водоворот политических действий и подобно ему вдруг похищался в карете, запертой на замок.

Он поторопился спустить оконное стекло.

Оно очень легко действовало на пружинах. Дверцы тоже свободно отворялись.

Случилось то, что обыкновенно случается всегда: видя, что есть возможность уйти, он даже не решился попробовать.

Он начал смотреть по сторонам, на окружающую местность, хотя ему, который только утром в первый раз в жизни прибыл в столицу, эта местность не могла объяснить ничего.

Ехали довольно долго. Проехали мост. Вскоре прекратилась мостовая и колеса экипажа, видимо, врезывались в рыхлую почву.

На дворе почти совершенно стемнело.

Кое-где мелькавшие огоньки в окнах убогих строений указывали на существование людей в проезжаемой местности.

Карета повернула в узкий переулок-тупик и остановилась у решетки, за которой стоял небольшой, но изящный деревянный домик с закрытыми наглухо ставнями.

Лакей спрыгнул с козел. Отворил калитку решетки и затем уже опустил подножку.

В это время, когда молодой человек выходил из экипажа, тот же лакей три раза стукнул в парадную дверь домика и она бесшумно отворилась.

Увлеченный таинственностью приключения, молодой офицер не заметил, что при выходе его из театра вышел и неотступно следивший за ним другой офицер и что другая большая шестиместная карета, запряженная четверкой лошадей, на довольно значительном расстоянии ехала следом за каретой, увозившей счастливого избранника красивой брюнетки.

Когда первая карета повернула в тупой переулок, вторая остановилась на углу.

Молодой человек между тем прошел в сени, вступил в маленькую, темную переднюю, устланную циновками и наполненную цветами; затем, следуя по пятам вертлявой, хорошенькой горничной, очутился в прелестном будуаре, меблированном в греческом вкусе, с обоями на греческий образец, освещенном алебастрового лампы, спускавшеюся с середины потолка, и пропитанном тонким запахом какого-то куренья, которое дымилось из жаровни, поставленной на бронзовом треножнике.

Начало предвещало многое.

Воображение юноши было польщено и очаровано.

Он сел или, лучше сказать, растянулся на изящной кушетке, против камина, в котором искрился блестящий огонек, примешивавший свой свет к лампе, и это двойное освещение распространялось отчасти и на самые отдаленные предметы.

Он обвел глазами всю изящную роскошь окружающей его обстановки и его взгляд, прежде всего, остановился на одном предмете, которого он сначала совсем не приметил: это была небольшая кровать, с шелковыми занавесками, поддерживаемыми позолоченными фигурками амура; настоящая кровать для кратковременного отдыха какой-нибудь красавицы, внезапно застигнутой припадком мигрени и желающей уединиться во что бы то ни стало.

«Итак, этот будуар служит иногда и спальней!» – мелькнуло в голове молодого офицера, и эта подробность показалась ему имеющей некоторое значение.

Между тем хорошенькая горничная, впустив его в комнату, тихонько удалилась, почти не взглянув на него и лишь сделала отрывистое движение, видимо, означавшее: сидите и ждите.

Он и стал ожидать, осматривая окружающие его предметы.

Вдруг он вздрогнул.

Со стены, противоположной той, у которой стояла заинтересовавшая его кровать, глядел на него из массивной золотой рамы презрительно-властный, знакомый в то время всей России взгляд голубых глаз.

С большого, прекрасно нарисованного масляными красками портрета смотрел на него, как живой, светлейший князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический.

Молодой человек задрожал.

Кроме вообще в то время магической силы этого имени с ним у сидевшего в изящном будуаре прелестной незнакомки офицера были особые, личные, таинственные связи.

По желанию светлейшего князя, он с поля военных действий из армейского полка был переведен в гвардию и послан в Петербург.

Приехав сегодня утром, он не замедлил явиться в Таврический дворец, но прием его светлейшим был отложен до завтра.

– Пусть погуляет, оглядится... – вынес ему милостивое слово князя докладывавший о нем адъютант.

Он воспользовался этим и поехал в театр.

И вот...

Все это мгновенно пронеслось в отуманенной голове вытянувшегося в струнку перед портретом всесильного Потемкина молодого офицера.

II. Двойник

Явственно донесшийся до молодого человека разговор из соседней комнаты, отделенной от будуара, видимо, лишь тонкою перегородкою, вывел его из оцепенения.

– Катя, он еще там?

– Да, Калисфения Николаевна, вот уже с час как он ждет, хорошо еще, что я затопила камин.

– Я не виновата... Меня задержали в театре... Как нарочно, явились на поклон... и я уехала почти последняя... А знаешь, с моей стороны это ужасная смелость... Что если узнает князь...

Молодой человек инстинктивно посмотрел на портрет.

– Но он такой прелестный, и к тому же еще никого я так страстно не любила... Вот мое единственное извинение... – продолжал голос.

«Неужели я так прелестен?» – самодовольно подумал молодой офицер.

– Послушай, Катя, мне надоело ждать. Убери здесь все, я переоденусь сама и приведи его сюда.

Он мигом вскочил. Сердце его сильно билось.

Нельзя не сознаться, что положение его было действительно довольно щекотливое.

Он сделал шаг к дверям, из-за которых слышались голоса.

Они отворились. На их пороге показалась Катя, и, посторонившись, пропустила молодого человека.

Он храбро вошел в другую комнату.

В изящном кабинете, отделанном точно также в греческом вкусе, перед туалетом, на котором стояло зеркало, поддерживаемое двумя бронзовыми лебедями с золоченными головками, сидела прелестная незнакомка и снимала с головы какой-то убор.

Заметив отражение вошедшего в зеркале, она вскочила и бросилась к нему с ловкостью газели.

Он почувствовал страстные, благоухающие объятия, кровь бросилась ему в голову; потом вдруг, порывистым, нервным, неожиданным, необъяснимым движением, он был отброшен, чуть не опрокинут, – отброшен этою прелестною женщиною, которой знойное дыхание он еще чувствовал на своем лице.

– Боже мой! – воскликнула она с неподдельным выражением удивления и ужаса и упала навзничь на стоявший вблизи диван.

На крик своей барышни в кабинет вбежала Катя и, ничего не понимая в происшедшем, с недоумением глядела на обоих, как бы спрашивая, что это значит?

– Боже мой! – вскричала она, в свою очередь.

– Но что все это значит? – воскликнул наконец, придя в себя, молодой человек, задыхаясь от волнения.

– Я... я ничего не могу сказать... Но, наверное, это не вы.

– Как это... не я?

– Вам лучше знать...

– Знать! Да ведь тут легко сойти с ума. Что это, комедия или мистификация?

В эту минуту прелестная хозяйка сделала жест горничной и та поспешила к ней.

Обе женщины с минуту разговаривали шепотом.

– Ради Бога, – обратилась Катя к молодому офицеру, – войдите туда.

Она указала ему рукой на дверь будуара.

Потерянный, ошеломленный всем, что случилось с ним в этот вечер, он машинально повиновался и вошел в будуар.

За ним послышался звук запираемого замка.

Совершенно уничтоженный, молодой человек упал на кушетку.

Прошло несколько минут, и он не успел еще привести в порядок своих мыслей, выделить их из того хаоса, в который они были погружены и придать им некоторую стройность, последовательность и определенность, как в кабинете снова заговорили, вероятно, не подозревая, что перегородка была чересчур тонка.

– Какое ужасное приключение! Как я несчастна! Какое необычайное сходство... Что делать? Я теряю голову! Как выпроводить его отсюда... Теперь уже ночь... – говорила барыня.

– Успокойтесь, Калисфения Николаевна, я сейчас поговорю с ним... И что же, что теперь ночь... Он не маленький... офицер, – отвечала горничная.

– Подожди... не лучше ли написать ему несколько извинительных слов... Ведь он, кажется, молод, в нем должна быть известная доля деликатности; он не захочет с досады погубить меня, да и к тому же на самом деле издали можно было ошибиться...

– Еще бы, я первая попалась бы впросак; но все равно, – издали или вблизи, это совсем не одно и то же...

– Увы! Я сама очень хорошо вижу! А этот! Где же он и что он думает!

«Итак, это была ошибка!» – с отчаянием подумал молодой человек и вскочил с кушетки.

Взгляд его упал на портрет светлейшего. Он, казалось ему, насмешливо улыбался.

Вошла Катя, держа в руках записку. Она была написана наскоро, без подписи и заключала в себе следующее:

«Простите ли вы меня за ночное путешествие, которое я совершенно невольно заставила вас совершить, и за то, которое вам еще предстоит? Ваше сходство с одним из моих родственников, который должен был сегодня приехать ко мне, сделало все это. Мое непростительное легкомыслие довершило остальное. Умоляю вас, забудьте все, но особенно не сердитесь на меня за неприятность, которую я вам сделала. Клянусь вам, что для меня это гораздо хуже, нежели для вас, и вы должны мне поверить».

– Я сейчас выпущу вас, только достану ключ! – сказала Катя и вышла.

Молодой человек хотел отвечать на прочтенную записку несколькими словами, исполненными чувства оскорбленного достоинства и начал искать перо и чернила на письменном столе. Вдруг ему попался под руку небольшой бархатный футляр.

Инстинктивно он открыл его.

В нем оказался портрет-миниатюра.

Молодой человек ошеломлен. Это был его собственный портрет, или же портрет его двойника.

На нем был изображен гвардейский офицер, черты которого были странным образом поразительно похожи на его собственные, в чем он мог как нельзя лучше удостовериться, приблизившись к большому зеркалу.

Тот же овал, те же линии, но с некоторыми оттенками, которые, впрочем, было весьма трудно заметить.

Он в недоумении положил портрет обратно и беспомощно обвел глазами будуар.

Взгляд его снова остановился на портрете светлейшего князя Таврического.

Ему снова показалось, что этот всемогущий красавец насмешливо улыбается углами своего надменного рта.

– Пожалуйте! – вывела из столбняка молодого человека вошедшая с ключом Катя.

Он машинально последовал за нею.

Насмешливый взгляд Потемкина, казалось, провожал его, он чувствовал его на себе.

Катя вывела его из подъезда и проводила до калитки, которую и заперла за ним.

Молодой человек очутился один среди темного и пустынного переулка.

Он на минуту остановился, как бы для того, чтобы собраться с мыслями, затем твердою походкою пошел по деревянным доскам, заменяющим тротуар.

Он решил идти наугад, так как совершенно не знал ни местности, где он находится, да, впрочем, и это знание мало бы помогло ему, так как уже известно читателям, он был в Петербурге первый день.

«Будь что будет! Я поброжу по улицам до утра, а там спрошу дорогу в город, на Ямскую...» – думал он.

Не успел он сделать однако и двадцати шагов, как двое людей загородили ему дорогу, и перед ним выросла какая-то черная масса, оказавшаяся каретой, запряженной четверкой.

– Князь Святозаров, именем светлейшего князя Григория Александровича, прошу вас следовать за мной! – сказал грудной приятный голос.

– Князь Святозаров! Вы ошиблись, господа! – сказал молодой человек, придя в себя от неожиданной встречи.

– Ваши уловки не помогут... Нам известно, что вы князь Святозаров, и его светлость требуют вас к себе...

– Повторяю, господа, вы ошибаетесь, моя фамилия Петровский Владимир Андреевич... – возразил было молодой человек.

– Повторяю, что мы осведомлены лучше вас...

– Не заставляйте, господин офицер, совершать над вами насилие офицеру при исполнении им служебных обязанностей, прошу вас безоговорочно садиться в карету.

Один из стоявших перед ним вынул из-под полы шинели потайной фонарь и осветил его и себя.

Наш ночной путешественник действительно увидел перед собою человека в военной форме, жестом приглашавшего его в открытую дверцу кареты, у которой стоял ливрейный лакей.

– Именем светлейшего князя Григория Александровича прошу вас, ваше сиятельство.

Молодой человек послушно взобрался на подножку и скорее упал, нежели сел в угол кареты. За ним вошел его спутник и уселся рядом.

Подножку подняли, дверца захлопнулась и карета покатила по рыхлой, немощеной улице.

Несчастный молодой человек некоторое время сидел с закрытыми глазами, без дум, без мыслей.

Приключение первого вечера в столице сбило его окончательно с толку.

Экипаж выехал на замощенные улицы и шум колес о камни вывел его из оцепенения. Не открывая глаз, он начал соображать.

Кто этот князь Святозаров, за которого его принимают?

Не тот ли, который изображен там на миниатюре, сходство с которым заставило его совершить это ночное путешествие на окраину города, пережить столько сладостных надежд и такое горькое разочарование.

За этим князем Святозаровым следят по приказанию светлейшего князя Григория Александровича Потемкина, портрет которого красуется на видном месте в этом волшебном будуаре-спальне.

В этом должна быть несомненная связь.

Мысли молодого человека перенесли на князя Потемкина, которого он видел лишь издали, но который играл несомненно какую-то роль в его судьбе.

Владимир Андреевич припомнил свое детство в Смоленске, в доме родственников светлейшего. Он был воспитанником-приемышем. Кто были его родители – он не знал. Затем он был отправлен в Москву в университетскую гимназию, откуда вышел в военную службу

в один из армейских полков и прямо отправился на театр войны с Турцией. Неожиданно, с месяц, с два тому назад, он был отозван из своего полка и переведен в гвардию с командировкою в Петербург, в распоряжение светлейшего князя, генерал-фельдмаршала.

Что могло все это значить?

Эти вопросы жгли мозг молодого человека, но, увы, оставались без ответа.

Вдруг карета остановилась.

Владимир Андреевич открыл глаза и, несмотря на темноту, различил из окна кареты величественное здание Таврического дворца.

III. В Таврическом дворце

Таврический дворец, один из многочисленных памятников блестящего царствования Екатерины II, до сих пор почти в неизменном виде сохранившийся на Воскресенском проспекте, с тем же обширным садом, прудами, островками, каскадами и беседками, два раза во время жизни светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического находился в его владении.

Первоначально оно было построено князем в виде небольшого домика, но после присоединения Крыма, по приказанию императрицы, архитектор Старов на месте прежнего дома построил роскошный дворец, наподобие Пантеона.

Императрица назвала его Таврическим и подарила великолепному «князю Тавриды», как называли тогда не только в России, но и в Европе, увенчанного лаврами военных побед Потемкина.

Главное здание дворца было вышиной около шести саженей, с высоким куполом и перистилем из шести колонн, поддерживающих фронтон.

К обеим сторонам дворца пристроены флигеля, выведенные до самой улицы. Обширная площадь перед дворцом ограждена невысокою чугунною решеткою.

Внутреннее расположение дворца, вместе с пространством между обоими флигелями, представляет одну огромную залу, в середине освещенную окном, сделанным в куполе; два ряда колонн придают зале необыкновенно величественный вид.

В одной стороне залы расставлены мраморные статуи, на другой стороне зимний сад.

Вскоре, однако, князь Потемкин продал этот дворец императрице Екатерине II за 460 000 рублей.

Незадолго до начала нашего рассказа, а именно в феврале 1791 года, императрица снова подарила этот дворец князю Григорию Александровичу, в числе многочисленных милостей и наград, которыми она осыпала его, прибывшего из Ясс с новыми победными лаврами.

В тот самый день и час, когда знакомый уже нам Владимир Андреевич Петровский, только что прибывший в Петербург и явившийся к светлейшему, но не допущенный к нему и получивший через адъютанта милостивое «пусть погуляет», начал в Петербурге так печально окончившиеся столичные похождения, сам Григорий Александрович готовился к выезду во дворец.

Высокий, пожилой – Потемкину в то время перевалило за пятьдесят – широкоплечий богатырь, в ярком мундире, обшитом сплошь золотым шитьем, с широкой грудью, покрытой рядом звезд и крестов, русских и иноземных, он уже вышел из кабинета.

Всякий, выдавший светлейшего в первый раз, невольно преклонялся перед этим совершенством человеческой телесной красоты: продолговатое, красивое, белое лицо, правильный нос, высокоочерченные брови и голубые глаза, небольшой рот с приятной улыбкой и круглый подбородок с ямочкой.

Левый окривевший глаз был неподвижен и являлся резким контрастом с правым, полным жизни, светлым, зорким и несколько рассеянным.

Князь окривел в начале своей придворной карьеры, по милости тогдашнего всезнайки фельдшера академии художеств Ерофеича, изобретателя известной настойки, приложившего к больному глазу Григория Александровича какую-то примочку.

На князя потеря глаза до того сильно подействовала, что он удалился в Невскую лавру, отпустил бороду, надел рясу и стал готовиться к поступлению в монашество.

Его спасли прозорливость и доброта императрицы.

Она сама лично навестила его и уговорила возвратиться в мир:

«Тебе не архиреем быть, их у меня довольно, а Потемкин один, и ждет его иная стезя». Предсказание монархини сбылось.

Светлейший шел уже к парадной лестнице своей неуклюжей, перевалистой походкой, простой, не сановитой и неделаной, производившей особое впечатление.

«Весь залитый золотом да орденами и регалиями; в камнях самоцветных и алмазах, и так шагает по-медвежьи», – говорили современники.

Ряды придворных светлейшего блестящей живой изгородью тянулись от зала до подъезда.

Князя сопровождал его приближенный секретарь, Василий Степанович Попов.

Это был подвижный человек, лет сорока семи, среднего роста, с добродушно-хитрым татарским выражением лица. Уроженец Казани, он учился в тамошней гимназии и начал службу в канцелярии графа Панина в первую турецкую войну, перешел потом к московскому главнокомандующему князю Долгорукову-Крымскому, который назначил его правителем своей канцелярии и выхлопотал чин премьер-майора.

После смерти Долгорукова, Попов, успевший сделаться известным Потемкину, как способный, трудолюбивый и деятельный чиновник, был взят им в правители своей канцелярии и скоро снискал неограниченное доверие князя.

Ко времени нашего рассказа он уже был генерал-майором орденов до Владимира I степени включительно.

Ряд придворных почтительно преклонялся перед шедшим властелином, который был, видимо, в самом лучшем настроении духа, но все с недоумением смотрели на голову вельможи.

Голова эта была светлорусая, в природных завитках, без пудры, которая считалась необходимой при дворе.

Этим-то и объяснялось недоумение окружающих.

Никто не решился, однако, заметить об этом светлейшему.

Один из стоявших адъютантов князя шепнул на ходу об этом Попову.

– Ваша светлость, – обратился к нему Василий Степанович ранее не обративший внимания на несовершенство туалета светлейшего, – ваша светлость! На вас чего-то недостает.

Потемкин быстро взглянул в зеркало и отвечал:

– Правда твоя, недостает «шапки»!

Сказав это, князь уже при входе в подъезд, вдруг круто повернул обратно и среди недоумевающих придворных вернулся в свой кабинет.

Вид его был мрачен, добродушно-веселая улыбка бесследно пропала с его красивых губ.

Князь захандрил.

Войдя в кабинет, он грузно опустился в кресло. Василий Степанович и несколько адъютантов вошли следом за ним и стали в почтительном отдалении.

У всех на уме было одно: «Начинается!»

Действительно, начиналось.

Начинались дни, иногда даже недели, когда князь запирался в свою комнату и ложился на диван, небритый, невымытый, растрепанный, сгорбленный, в поношенном халате и в утренних туфлях на босу ногу.

Сам князь чувствовал приближение этих дней. Достаточно было малейшей незначительной причины, чтобы ускорить их приближение...

«Подступает! Идет!» – говорил он сам себе, еще будучи на ногах и в сравнительно хорошем настроении духа.

«Пришло! Захватило!» – решал он мрачно, уже лежа на диване.

Болезни этой не понимали не только окружающие светлейшего, но и он сам. Завистники объясняли ее придворными неудачами самолюбивого вельможи или попросту народным определением «с жиру бесится».

Но это была, очевидно, болезнь сильная, давнишняя, с юных лет. Это была болезнь душевная, а не телесная.

К ней, впрочем, примешивались иногда недомогания и слабость. Болезнь эта являлась, как лихорадка, периодически и держала больного иногда три, четыре дня, иногда более недели.

Припадки бывали то сильные, то слабые.

– Кофею! – приказал князь.

Адъютант князя Баур бросился отдать приказание метрдотелю.

Баур был любимый адъютант князя, которому он давал серьезные и щекотливые поручения.

В 1788 году во Франции разгорелась революция.

Светлейший, зорко следивший из своего очаковского лагеря за ходом европейской политики, нашел необходимым, ввиду предстоящих событий, достать из французского министерства иностранных дел некоторые важные бумаги, касающиеся России.

Он призвал Баура и велел ему взять подорожную и скакать в Париж за модными башмаками для Прасковьи Андреевны Потемкиной, жены его двоюродного брата, впоследствии графа, Павла Сергеевича.

Весть об этом облетела весь лагерь и возбудила толки и пересуды.

«Вот причудник! В Сибирь посылает за огурцами, в Калугу – за тестом, в Париж – за башмаками!» – толковали в офицерских землянках.

Григорий Александрович между тем сунул в дорожную сумку Баура пакет на имя одного из парижских банкиров и несколько секретных писем к кое-кому в Париже, обнял его и отпустил шутя и смеясь.

По приезде в Париж, Баур вручил пакет и письма по адресам, а сам пустился по всем модным лавкам заказывать башмаки «roug madame Potemkin».

Князь знал, кого куда посылать и кому что поручать.

На другой день весь Париж толковал уже о странной фантазии русского вельможи – прислать своего адъютанта в столицу Франции за парой башмаков.

По этому поводу был даже сочинен и поставлен на сцене водевиль.

Но в то время, когда парижане занимались разговорами о чудачествах князя, банкир отсчитал одной даме шестьдесят тысяч червонцев за то, чтобы она выкрала из бюро страстно влюбленного в нее министра «известные бумаги».

Золото сделало свое дело – бумаги очутились в руках Баура, а золото у корыстолюбивой сильфиды.

Первый достал модные башмаки, положил в карман бумаги и исчез из Парижа.

Обожатель сильфиды хватился пропажи, но было поздно – она была уже в руках Потемкина.

Таков был адъютант Баур, красивый мужчина, блондин, лет тридцати с небольшим.

– Что же кофею! – с нетерпением повторил князь.

Все присутствовавшие по очереди спешили распорядиться о скорейшем удовлетворении желания светлейшего.

– Когда же кофею? – мрачно продолжал повторять Потемкин.

Наконец дымящийся душистый напиток в большой чашке севрского фарфора, на золотом подносе, был принесен и поставлен перед Григорием Александровичем.

Последний до него не дотронулся. Он сердито отодвинул поднос и встал.

– Не надобно! Я только хотел чего-нибудь ожидать, но и тут меня лишили этого удовольствия.

И князь, низко опустив голову, удалился в смежную с кабинетом комнату, служившую ему уборной – разоблачаться.

– Начинается! – снова мелькнуло в умах присутствующих. Все на цыпочках вышли из кабинета и разбрелись по обширным апартаментам дворца.

IV. Князь хандрит

Князь захандрил.

Все во дворце затихло, как бы замерло.

Все ходило неслышной походкой, говорило шепотом, несмотря на то, что светлейший находился в самой отдаленной комнате дворца.

В комнате этой, обитой серым ситцем, на огромной софе лежит неподвижно этот «баловень счастья» и смотрит в одну точку. Одет он в атласный фиолетового цвета халат, с расстегнутым на груди воротом рубашки. Золотой крестик с двумя образками и ладанкой на шелковом шнурке выбился наружу и лежит поверх халата. Одна шитая золотом туфля лежит у босых ног на софе, а другая валяется на полу.

Князь лежит неподвижно, лишь по временам тяжело вздыхает и ворчит себе под нос.

Из отрывистых фраз можно было заключить об исходной точке этого состояния светлейшего.

– Что желал, к чему стремился – все есть...

– Исполнены все малейшие помыслы, прихоти... Чинов хотел, орденов – имею... денег... есть... Деревни... дома... есть... Драгоценности... целые сундуки... Пиры, праздники... давал и даю... Все планы... все страсти... все исполнилось... а счастья... счастья... нет... Все удачи не покроют... не залечат раны первой неудачи... Не залечат... никогда... никогда... – бормотал князь.

Тяжелые вздохи несчастного счастливец оглашали комнату.

В комнату, где лежал князь, имели доступ только самые близкие люди и благоприятели светлейшего, а из служащих – один Василий Степанович, навещавший по временам князя и зорко следивший за столом, на котором лежали бумаги, карандаш, прутик серебра, маленькая пилка и коробочка с драгоценными камнями разного цвета и вида.

Когда князь о чем-нибудь размышлял, то, чтобы не отвлекаться и сосредоточить свои мысли на известном предмете, он брал в руки два драгоценных камня и тер их один об другой, или же обтачивал пилочкой серебро, или, наконец, раскладывал камни разными фигурами и любовался их игрою и блеском.

Что в это время созревало в его уме, он тотчас же записывал на приготовленной бумаге и потом, отворив дверь, звал Попова и отдавал приказания.

Такая бумага с карандашом, коробочка с драгоценными камнями, серебряный прутик и пилочка лежали на письменном столе кабинета светлейшего.

Бумага и карандаш клались и на игральный стол в то время, когда князь играл в карты, так как Потемкин и в этом занятии не оставался праздным, и часто прерывая игру, записывал то, что приходило ему в голову. Во время игры в комнату несколько раз входил Попов, становился за стулом князя и как только замечал, что бумага отодвинута, тотчас брал и спешил привести в исполнение написанное.

Впрочем, во время припадков князь редко брал в руки лежавший на столе карандаш, а если это случалось, то было уже верным признаком выздоровления.

В описываемый нами день до позднего вечера бумага была нетронута.

Князь продолжал лежать неподвижно. Даже принесенные кушанья убирались назад нетронутыми.

Припадок княжеской хандры был, видимо, сильнее обыкновенного.

Понятно, что отсутствие пудры на голове, видимая причина начала припадка, была только той каплей, которая переполнила сосуд. Начало непонятных припадков нелюбимости, доходившей до болезненного состояния, надо искать в более отдаленном от описываемого нами времени жизни Григория Александровича Потемкина.

Недаром он часто повторял непонятную ни для кого даже из близких ему людей фразу:
– Все удачи не покروют... не залечат ран первой неудачи... Не залечат... никогда...
никогда...

Был первый час ночи, когда Василий Степанович, во время припадков хандры светлейшего проводивший ночи почти без сна и не раздеваясь, вышел из кабинета князя. Навстречу ему быстро шел Баур.

– Наконец я его накрыл... – с нескрываемой радостью начал он. – Что светлейший?

– Лежит... Но кого же вы накрыли?..

– Князя Святозарова.

Попов отступил и удивленно окинул взглядом говорившего.

– Вы знаете?

– Что?

– Он умер.

– Кто?

– Князь Василий Андреевич Святозаров.

– Он здесь, живехонек... и здоровехонек.

– Послушайте... это что-нибудь да не так; не далее как несколько часов тому назад я получил официальное донесение о смерти князя, убитого на дуэли, в доме его родителей... Княгиня Зинаида Сергеевна была здесь не более как с час времени, желала видеть светлейшего и просить как-нибудь затушить это дело... Она приехала прямо от только что охладевшего трупа сына, горе ее не поддается описанию...

Баур, в свою очередь, отступив шага на два назад, во все глаза удивленно смотрел на Попова.

– Кого же я привез?.. Я взял его там...

– Где?

– На Васильевском.

– А!

– Он вышел от нее, приехав к ней из театра... Я видел его в театре и не мог ошибиться... Это он... Исполняя поручение светлейшего, я привез его прямо сюда... Вы разве не знаете, что светлейший пригрозил ему, что если он еще раз будет у ней, он его на ней женит, а мне поручил следить за ним... Молодой князь, казалось, образумился и, боясь исполнения угрозы, оборвал связь... Но сегодня, видимо, не выдержал и, получив от нее записку, помчался... а я за ним... Прождал я, пока они там амурились, и захватил его... при выходе...

– Поздравляю... значит, вы поймали не того... это, конечно, вам делает честь, потому что мертвого привезти было легче, – улыбаясь заметил Попов.

– Повторяю вам, я ошибиться не мог...

– Однако ошиблись... Не могла же ошибиться мать, приехавшая прямо от трупа своего единственного сына...

– Позвольте... Он тоже уверял меня, что я ошибаюсь и называл себя Петровским...

– Теперь я понимаю... Вы правы... Он на самом деле поразительно похож на Святозарова... Я видел его сегодня утром, когда он явился к светлейшему.

– Вот так дела! – развел руками Баур.

– Да, дружище... На всякую старуху бывает проруха... Это не парижские башмаки... Тут сам черт не разберет, как перепутано... Светлейший, видимо, покровительствует этому Петровскому, и это покровительство имеет какое-то отношение к княгине Святозаровой...

– Откуда вы это знаете?

– Знать не знаю ни откуда, а догадываюсь, глаз у меня наметан стал на службе у его светлости...

– Что же теперь делать... Надо все же доложить князю...

– Об этом нечего и думать... Я было доложил ему о смерти князя Святозарова, так и сам не рад был.

– Чего?

– Да понес такую околесину, что хоть святых выноси... О небесном возмездии, геене огненной... О своем навсегда разрушенном счастье, да и об этом Петровском, кстати.

– Вот оно что!

– Вскочил на софе и присел даже, как я ему сказал, потом снова лег, лицом к стене отвернулся и точно умер... Четвертый раз после этого к нему вхожу – не шелохнется.

– Как же быть?

– Ах, Баур, Баур, точно это вам в первый раз... надо выждать... А арестанта вашего, за беспокойство, угостите-ка ужином, я сам не прочь закусить; обедал наскоро, как всегда, когда беда эта стряется со светлейшим...

– Хорошая мысль, Василий Степанович, прекрасная мысль... Может быть, вино развяжет этому Петровскому язык, и мы узнаем что-нибудь интересное... Пойдемте.

– Да вы куда его упрятали?

– Уж и упрятал... У меня в комнатах... Как гость, честь честью...

– То-то... а то неровен час... нам самим головы свернет...

– Вы что-то нынче, Василий Степанович, все загадки задаете...

– Да разве наша с вами здесь жизнь – не сплошная загадка?

– Пожалуй, и правда, – тряхнул Баур своей белокурой головой.

Они оба отправились в помещение Баура, жившего в Таврическом дворце.

Владимир Андреевич Петровский задумчиво сидел в кресле кабинета любимого адъютанта светлейшего и, казалось, не переменял позы с момента ухода последнего с докладом о нем князю.

«Вот тебе и карьера, вот тебе и мечты о покровительстве всевышнего, о придворной жизни, красавицах... – думал совершенно упавший духом молодой человек. – Красавицы! – он вспомнил коварную брюнетку и ее жгучий поцелуй. – Попутал бес, в какую попался кашу; может, всю жизнь придется расхлебывать...» – пронеслось у него в голове.

Он чутко прислушивался к царившей во дворце тишине. Малейший шорох заставлял его нервно вздрагивать.

– Что повесил голову, камрад, – дружески ласковым тоном заговорил Баур. – И впрямь подумал, что его привезли под гнев светлейшего... На посещение красоток вечерней порой у нас его светлость не гневается: сам грешит и людям прощает...

Петровский встал и с нескрываемым удивлением смотрел на Баура и слушал совершенно изменившийся тон его голоса. Баур, нимало не смущенный, представил его Попову.

– Однако у меня от этой отдаленной прогулки разыгрался аппетит, я чаю и вы тоже проголодались? – обратился он к Владимиру Андреевичу. – Ужин теперь будет очень кстати.

Он вышел распорядиться.

Петровский и Попов остались одни.

Последний заговорил о Петербурге, спрашивал о впечатлении, произведенном им на молодого человека, и, между прочим, заметил:

– Светлейший-то завтра приказал вам явиться, но едва ли представление состоится – он заболел...

– Опасно? – с тревогой в голосе спросил Владимир Андреевич.

– Нет, но надо будет переждать несколько дней...

– Идемте, закусим чем Бог послал! – сказал вошедший Баур. – Чем богат, тем и рад!

Все трое перешли в соседнюю комнату, в которой был сервирован роскошный и обильный ужин «потемкинской» кухни.

Невольный гость отдал должную честь яствам и питьям, но надежды Баура не оправдались – он оказался очень сдержанным на язык.

За ужином решено было, что он останется у Баура, а завтра пошлют за его пожитками на постоянный двор на Ямскую.

«Не знаешь, где найдешь, где потеряешь!» – подумал Баур, выслушав согласие Петровского поселиться у него.

Светлейший продолжал лежать на софе, обернувшись лицом к стене, неподвижно смотря в одну точку на замысловатый рисунок ситца, которым были обиты стены.

Он был буквально поражен смертью молодого князя Святозарова и посещением княгини.

Перед ним неслись одно за другим воспоминания юности.

V. Юность Потемкина

Григорий Александрович Потемкин, впоследствии светлейший князь Таврический, был сын небогатого дворянина, отставного майора Александра Васильевича Потемкина.

Он родился в сентябре месяце 1739 года, в имении своего отца, сельце Чижево, около Смоленска.

До двенадцатого года он воспитывался в родительском доме, а затем был отдан в смоленскую семинарию, так как в Смоленске в то время не было светских учебных заведений.

В 1755 году открылся Московский университет, и мать Потемкина (отец его умер в 1746 году) определила сына в учрежденную при нем дворянскую гимназию, записав его вместе с тем в лейб-гвардии конный полк рейтаром.

Молодой Потемкин с самых ранних лет отличался необыкновенною памятью, быстротою ума и чрезвычайным честолюбием, которое обнаруживалось во всех его поступках.

– Хочу быть архиереем или министром! – говорил он еще в бытность свою в семинарии.

В первое время по поступлении в гимназию Потемкин занимался очень прилежно, так что на другой же год получил за успехи в науках золотую медаль.

В 1757 году директор университета Мелиссино отправился в Петербург по делам службы и взял с собою, для представления куратору И.И. Шувалову, лучших студентов и учеников гимназии.

В числе последних находился и Потемкин.

Все они через несколько дней по приезде были потребованы во дворец.

Императрица Елизавета обошлась с учениками весьма милостиво и, по ходатайству Шувалова, «для лучшего одобрения и поощрения учащегося юношества», пожаловала их чинами, с оставлением до окончания курса в университете.

Потемкин возвратился в Москву с чином капрала и снова отдался своим любимым занятиям, то есть книгам.

Он читал их без разбора, всегда лежа в постели.

Один из его товарищей, Матвей Иванович Афонин, впоследствии ординарный профессор Московского университета, купил на последние свои деньги исключительно для Потемкина только что вышедшую тогда в свет и наделавшую много шума «Натуральную Историю Бюффона».

Григорий Александрович взял книгу и так быстро пробежал все сочинение, что казалось только перелистал ее.

Афонин, оскорбленный таким невниманием, не скрыл от любимого товарища своего неудовольствия, но был чрезвычайно удивлен, когда последний подробно передал ему содержание книги и доказал, что познакомился с сочинением весьма основательно.

Другой приятель Потемкина, Ермил Иванович Костров, впоследствии небезызвестный поэт и переводчик Иллиады, дал ему с десятков томов самого разнообразного содержания.

Григорий Александрович возвратил ему их через несколько дней.

– Да ты, брат, видимо, только полистал страницы в моих книгах, – заметил удивленный Костров, – на почтовых хорошо лететь по дороге, а книга не почтовая езда.

– Пусть будет по-твоему, – ответил Потемкин, – что я летел на почтовых. А все-таки я прочитал твои книги от доски до доски; если не веришь, то изволь, профессорствуй; взбирайся на стул вместо кафедры, раскрой любую из своих книг и спрашивай громогласно, а я отвечу без запинки.

Оказалось на самом деле, что Потемкин не только прочел книги, но вник в каждое сочинение и твердо удержал в памяти прочитанное.

Он пересказал приятелю все как заданный урок. Близость с Афоным, Костровым и особенно с поэтом Василием Петровичем Петровым, впоследствии переводчиком Virgiliевой «Энеиды» и «Потерянного рая» Мильтона, имела большое влияние на развитие будущего государственного человека.

Особенно в благотворном смысле повлиял на Потемкина Петров.

Страстно любя греческую и латинскую словесность, Василий Петрович занимался ими с молодым своим приятелем, учил его языку Гомера и переводил вместе с ним «Иллиаду».

В Григории Александровиче он нашел внимательного и любящего предмет ученика.

Таков был юноша Потемкин.

Прошло пять лет.

Григорию Александровичу шел двадцать первый год.

Начальство гимназии считало его украшением заведения и возлагало на него блестящие надежды, как вдруг он внезапно охладил к ученью, перестал являться в классы и начал усердно посещать монастыри, где проводил время в беседах с монахами о религиозных предметах.

Университетское начальство, употребив безуспешно все исправительные меры, вследствие представлений инспектора гимназии профессора Антона Алексеевича Барсова, выключило Потемкина из гимназии «за леность и нехождение в классы».

Причиной, произведшей роковой поворот во внутреннем мире молодого человека, была, как и всегда, женщина.

Григорий Александрович влюбился, влюбился безумно и даже, увы, не безнадежно.

Безнадежная любовь находит противоядие в самолюбии, но для любви разделенной и остающейся лишь в форме неосуществимой мечты, противоядия нет.

Такова была любовь и молодого Потемкина.

Между ним и любимой им девушкой легла пропасть, и рана не зажила до самой его смерти.

Григорий Александрович жил в Москве у приятеля своего покойного отца и соседа по имени в Смоленской губернии, Ивана Дементьевича Курганова.

Иван Дементьевич состоял главноуправляющим графини Анны Ивановны Нелидовой, известной московской аристократки – статс-дамы императрицы Елизаветы Петровны, лично известной царствующей государыне.

На поклон к Анне Ивановне ездили все московские власти и вся московская знать.

Управление многочисленными имениями, рассыпанными в плодороднейших губерниях России, в которых были младшие управляющие, сосредоточивалось в главной конторе графини, во главе которой стоял Иван Дементьевич.

Это был высокий, худой старик, всегда с чисто выбритым лицом и с открытым взглядом добрых, честных, голубых глаз, до старости не потерявших своего юношеского блеска.

Он был вдовец и жил со своей единственной дочерью Настей, хорошенькой блондинкой, с золотисто-льняными волосами, но каким-то не детским – ей шел пятнадцатый год – вдумчивым выражением миловидного личика, в одном из обширных флигелей дома графини на Поварской улице, близ Арбатских ворот.

Дом этот, один из немногих сохранившихся до сих пор в Москве в своем прежнем виде, был построен полукругом в глубине обширного двора, огражденного с улицы массивной чугунной решеткою с двумя воротами, украшенными традиционными львами, со всеми причудами теперь, увы, отжившего барства.

Два флигеля своим фасадом выходили на улицу: в правом помещались контора и людская, а в левом жил главный управляющий Иван Дементьевич Курганов.

Оба флигеля были соединены с главным домом крытыми теплыми галереями.

Товарищи юности, Иван Дементьевич и старик Потемкин, сохраняли, несмотря на разность житейских дорог, положения и состояний, самые искренние дружеские отношения до самой смерти последнего.

Когда мать Потемкина, Дарья Васильевна, привезла сына в Москву и посетила с ним приятеля своего покойного мужа, то последний сам предложил ей поместить Грица – так звали мальчика в родительском доме – у него, не позволив, конечно, даже заикнуться о каком-нибудь вознаграждении.

Дарья Васильевна со слезами на глазах бросилась обнимать своего благодетеля и уехала в свое имение совершенно успокоенная за судьбу своего единственного детища.

Она и не предчувствовала, что в этом доме случится с сыном эпизод, который отразится на всей его жизни, что здесь он утратит навсегда свое личное счастье, чтобы принести его в жертву величию государства, что отсюда он выйдет, как это ни странно, несчастным «баловнем счастья».

Гриц, которому шел в это время шестнадцатый год, скоро освоился в чужом доме: подружился с четырнадцатилетней Настей, сумел привязать к себе Ивана Дементьевича и сделался в доме как родной.

Красивый, стройный, остроумный, веселый, он с самой ранней юности умел нравиться людям и привязывать их к себе своим добродушным, откровенным характером.

С Настей он скоро стал на «ты» и между ними возникло чисто братское чувство, которое, подобно тихому ручейку, освещенному полуденным солнцем, мирно катит свои чистые, как кристалл, воды не только без бурь, но даже без малейшей зыби.

Жизнь флигеля шла совершенно отдельно от жизни главного дома графини, и связующим звеном кроме чисто деловых сношений Ивана Дементьевича с «ее сиятельством» была племянница графини, дочь ее брата, княжна Зинаида Сергеевна Несвицкая, ровесница Насти и большая ее приятельница, часто забегавшая во флигель и по целым часам без умолку болтавшая со своей подругой.

Эта дружба завязалась и продолжалась без ведома старой графини, жившей в главном доме со своей дочерью, молодой графиней Клавдией Афанасьевой, которой в момент нашего рассказа уже исполнилось восемнадцать лет.

VI. Старая графиня

Жизнь графини Анны Ивановны Нелидовой была даже для тогдашней, полной всевозможного рода причудниками и причудницами, Москвы предметом толков и удивления.

Огромный дом был переполнен приживалками, число которых с прислугой доходило до ста пятидесяти человек.

Парадных комнат было множество, но Анна Ивановна почти никогда не выходила из своих внутренних апартаментов.

Более всего поражала комната, где она спала: она никогда не ложилась в постель и не употребляла ни постельного белья, ни одеяла.

Она не выносила никакого движения около себя, не терпела шума, почему все люди ходили в чулках и башмаках, в ее присутствии говорили шепотом.

Без доклада к ней никто никогда не входил.

Чтобы принять кого-нибудь, соблюдалась тысяча церемоний, и нередко желавшие видеть ее ожидали приема по несколько часов.

В официантской сидело постоянно 12 официантов; на кухне было четырнадцать поваров и огонь никогда не гасился, так как Анне Ивановне приходила фантазия спросить чего-нибудь закусить не в назначенный час и это случалось зачастую ночью; для обедов и завтраков, у нее, как и для сна, не было положенных часов.

Все делалось по капризу, по первому требованию ее сиятельства.

Комната, где она постоянно находилась, была обита малиновым штофом.

Посредине было сделано возвышение, на котором стояла кушетка под балдахином, от кушетки полукругом с каждой стороны стояло по шести ваз из великолепного белого мрамора самой тонкой работы, и в них горели лампы.

Эффект, производимый всей этой обстановкой, был поразителен.

В этой комнате Анна Ивановна совершала свой туалет, также необыкновенным способом.

Перед ней стояли шесть девушек кроме тех, которые ее причесывали; на всех них были надеты принадлежности туалета ее сиятельства.

Графиня ничего не одевала того, что не было согрето предварительно живой теплотой.

Для этого выбирались красивые девушки от 16 до 20 лет; после двадцати лет их назначали на другие должности.

Даже место в карете, перед тем как ей выехать, согревалось тем же способом, и для этого в доме содержалась очень толстая немка, которая за полчаса до выезда садилась в карете на то место, которое потом должна была занять графиня.

Пока она выезжала, немка нагревала место на креслах, в которых Анна Ивановна всегда сидела.

Спала графиня на кушетке, на которой расстилалось что-нибудь меховое, и покрывалась она каким-нибудь салопом или шалью.

На ночь она не только никогда не раздевалась, но совершала даже другой туалет, не менее нарядный, чем дневной, и с такими же церемониями.

Надевался обыкновенно белый пеньюар, вышитый или с кружевами, на шелковом цветном чехле, затем пышный чепчик с бантами, шелковые чулки, непременно телесного цвета, и белые башмаки с лентами, которые завязывались, а бантики тщательно расправлялись, как будто бы графиня ехала на какой-нибудь бал.

В таком пышном туалете графиня опускалась на кушетку и никогда не оставалась одна.

При ней было до сорока избранных женщин и девушек разного возраста, которые поочередно должны были находиться в ее комнате.

На ночь в комнату ее сиятельства вносились диваны, на которых помещались дежурные.

Они должны были сидеть всю ночь и непременно говорить вполголоса.

Под их говор и шепот дремала причудница, и если только они умолкали, она тотчас просыпалась.

Стол ее был не менее прихотлив, как все остальное, и накрывали каждый день на сорок персон.

Сама она обедала с дочерью и племянницею за особым столом, к которому приглашались только избранные, а зачастую даже в своей комнате, куда вносился уже накрытый стол на шесть персон, так как она требовала около себя абсолютной тишины и спокойствия.

Она не хотела знать никакой заботы, никакого горя, и когда ее второй сын Михаил был убит на дуэли, ей решились сказать об этом только год спустя.

Старший сын ее, Николай, пропал без вести, уехав за границу.

Все доходы с имений привозились и сдавались Ивану Дементьевичу. В одной из комнат конторы стоял комод, куда ссыпались деньги по ящикам, по качеству монеты, и сам Иван Дементьевич хорошенько не знал, сколько ссыпалось и сколько расходовалось.

Дело велось по простоте, без книг и двойных и тройных бухгалтерий.

В доме было так много всевозможных редкостей, что комнаты были похожи на магазин.

Одних платьев счетом было пять тысяч.

Для них велась особенная книга, с приложением образчиков, по которым графиня назначала, какое платье желала одеть.

Два сундука были наполнены самыми редкими кружевами, ценностью до ста тысяч рублей.

Целая комната была занята разными дорогими мехами, привезенными, как говорили, из Сибири.

Графиня страшно любила наряжаться, покупала очень много по магазинам.

Когда ей нравились какие-нибудь материи, то она покупала кусками, чтобы у других не было подобных.

Рожденная княжна Несвицкая, она вышла замуж поздно – под сорок лет: так долго не могла она найти себе человека по сердцу.

Граф Афанасий Григорьевич Нелидов прожил с ней не более десяти лет и умер от ожирения сердца, оставив ей по завещанию все свое громадное состояние, которое, в соединении с огромным приданым графини, и составило то колоссальное богатство, которое считалось первым даже в Москве, тогда городе невероятных богачей.

Дочь графини Анны Ивановны, Клавдия Афанасьевна, была сильная брюнетка и резкими чертами восточного типа лица напоминала свою мать.

Те же злые глаза, те же надменно сложенные губы, тот же прямой нос с горбинкой и низкий лоб.

Ни она, ни мать в молодости не были красивыми, они обе брали фигурой, сложением и посадкой.

Когда графине Клавдии или «Клодине», как звала ее графиня Анна Ивановна, было тринадцать лет, в доме ее матери появилась княжна Зина, десятилетняя девочка, дочь покойного младшего брата графини, князя Сергея Несвицкого, умершего молодым вдовцом.

Сначала девочки жили дружно, но это продолжалось каких-нибудь два-три года, пока еще не успел окончательно сложиться властный и эгоистичный характер молодой графини.

Княжна Зинаида, гордая от природы, не дала себя совершенно подчинить своей взрослой кузине, и они разошлись, одна с затаенным злобным чувством, другая – найдя себе утешение в дружбе с Настей Кургановой.

Годы шли; все хорошеющая княжна Зинаида Сергеевна возбуждала все большую и большую ненависть со стороны своей двоюродной сестры, пока наконец не случилось обстоятельство, доведшее это «родственное чувство» до своего апогея.

Но не будем забегать вперед.

Молоденькая Настя успела заинтересовать свою подругу рассказами о появившемся в доме мальчике Грице, который с годами делался стройным, красивым молодым человеком.

Детские игры и забавы с летами привели к другому чувству, заставившему юные сердца товарищей детства, как это бывает всегда, забиться сильнее и тревожнее.

Княжне Зинаиде шел в то время восемнадцатый, а Потемкину двадцать первый год.

Молодые люди влюбились друг в друга.

В это же время в доме графини Нелидовой появилось новое лицо.

Это был князь Андрей Павлович Святозаров, прибывший из Петербурга, где он играл довольно значительную роль при дворе императрицы Елизаветы Петровны.

Он приехал в отпуск повидаться с родными, безвыездно жившими в Москве и входившими в тот высокий круг московского высшего общества, в котором вращались графиня Нелидова и ее дочь.

Князю было лет тридцать пять. Он шел по статской службе и метил в сенаторы или министры.

О его выдающихся способностях государственного человека говорили с полным убеждением в компетентных правительственных сферах.

Он стоял во главе одного из административных учреждений столицы, был на виду, но был холост.

Петербургские маменьки уже целые годы устраивали безуспешно облаву на выгодного жениха, желая доставить своим дочкам блестящую партию.

Появление его в Москве, хотя и на время, вселило сладкие надежды в московских матерях взрослых дочек.

Графиня Анна Ивановна тоже наметила князя в женихи своей Клодин, а последняя, кроме того, без ума влюбилась в петербургского гостя.

На московских балах и «soirées dansante» князь был, видимо, увлечен величественной фигурой молодой графини Нелидовой, ее восточным типом и огненным взглядом черных глаз.

Он стал усиленно ухаживать за ней и сделал визит в дом графини.

Этот визит изменил его намерения.

Совершенная противоположность молодой графини, которой уже было за двадцать, ее двоюродная сестра княжна Зинаида, восемнадцатилетняя блондинка, с выражением лица гетевской Гретхен, положительно заполонила сердце уже пожившего и избалованного женихины князя, и он круто повернул в ее сторону.

Совершилась безмолвная драма.

Гордая графиня Клодина заметила перемену в князе и, затаив в сердце злобу и ненависть к неожиданной сопернице, первая отстранила от себя намеченного ее матерью и избранного ею жениха, объявив матери, что не любит его и не может сделаться его женой.

– Не перестарок же я какой-нибудь, что вы хотите сбить меня с рук, тапан, – заметила она. – Князь, кажется, к тому же, совершенно растаял от прелестей Зинаиды, – язвительно заметила она. – Ему она как раз под пару, покорная овечка, да и вам, тапан, сбить ее с рук чем скорее, тем, думаю, лучше...

Графиня Анна Ивановна удивленно вскинула глаза на свою дочь, так как, вместе с другими свидетелями ухаживания князя на балах и вечерах за ее дочерью, думала, что последняя не прочь сделаться из флейлин статс-дамой и переехать в Петербург уже княгиней Святозаровой.

Она прочла на лице графини Клодины серьезное решение.

– Как хочешь, ma shere, я тебя не неволю, ты ведь мне не мешаешь... – ответила старуха.

Князь Святозаров обратился таким образом из жениха Клавдии Афанасьевны в жениха Зинаиды Сергеевны.

Последняя, влюбленная в Потемкина, далеко не старалась увлечь блестящего жениха, что еще более раззадоривало последнего.

Он сделал предложение старой графине, и та, после переданного уже нами разговора со своею дочерью, дала свое согласие.

– Я поговорю с ней... и думаю, что это уладится, – сказала она восхищенному князю.

VII. По монастырям

Молодой Потемкин между тем в один прекрасный день признался Ивану Дементьевичу Курганову в своей любви к княжне Несвицкая самая богатая невеста не только в Москве, но, пожалуй, и во всей России.

Старик страшно взволновался.

– Вот глупости! Разве ты не знаешь, что княжна Несвицкая самая богатая невеста не только в Москве, но, пожалуй, и во всей России.

– Я это знаю, – отвечал Григорий Александрович, – но Зина любит меня.

– Почему ты это знаешь?

– Она сама мне это сказала.

Курганов окинул молодого человека строгим взглядом.

– Ты воспользовался тем, что моя дочь ее подруга, и увлек молоденькую девушку, почти ребенка, ты, еще сам мальчишка...

Григорий Александрович опустил голову.

– Если ты это сделал, то поступил более чем нехорошо... нечестно... Графиня Анна Ивановна, конечно, доверяя мне, смотрела сквозь пальцы на частые посещения моей квартиры ее племянницей... Ты сделал меня невольным нарушителем доверия ее сиятельства, ты, в благодарность за мою ласку, за любовь к тебе, как к сыну, опозорил мои седины.

– Иван Дементьевич, Иван Дементьевич... – бормотал смущенный юноша.

– Я хочу все знать... Говори...

Молодой человек рассказал ему в подробности весь свой роман с молодой княжной.

Курганов выходил из себя. Его чистой совести представлялось все это в мрачном виде, он все преувеличивал и продолжал волноваться.

Он позвал свою дочь и стал упрекать ее в пособничестве этому «позорному делу» – его подлинное выражение.

Настя плакала и уверяла отца, что она не имела никаких дурных намерений, что ничего дурного не случилось.

Старик несколько успокоился, убедившись на самом деле, что происшедший под его кровлей роман двух молодых людей остался на почве чистого чувства.

– Честь и дочь – мои главные сокровища, – сказал Иван Дементьевич, обращаясь к молодому Потемкину. – Ты поступил непорядочно, хотя я убежден, что не умышленно... Ты говорил ей о любви и нарушил ее сердечный покой и за это ты должен быть наказан. Как?... Чтобы меня и мою дочь обвинили в пособничестве к ловле богатой невесты для сына моего друга... Одна эта мысль ужасает меня! Что подумает обо мне ее сиятельство! Она может потребовать от меня отчета... Ты понимаешь это, Гриц, сознаешь ты свою опрометчивость?

Потемкин стоял понуря голову.

– Ты можешь это поправить только тем, что более не увидишься с княжной.

Григорий Александрович тяжело вздохнул.

– Ты вздыхаешь, ты страдаешь при этой мысли, – продолжал старик, – но подумай только, как бессмысленна твоя любовь. Княжна Несвицкая – богачка, никогда не может быть твоей женой, женой теперь еще школьника, а впоследствии, в лучшем случае, гвардейского офицера с несколькими десятками душ за душою... Будь благоразумен... Соберись с силами, будь честен и забудь...

– Но она?! – воскликнул с болью в голосе молодой человек.

– Она выйдет замуж за князя Святозарова... Он сделал ей предложение... Говорят, он так же богат, как и она...

Григорий Александрович зарыдал как ребенок, закрыв лицо руками.

– Несчастный, как он ее любит! – пробормотал Иван Дементьевич.

Григорий Александрович на другой же день рано утром ушел из дома и вернулся только поздно вечером.

Такую жизнь он повел изо дня в день.

Княжна, конечно, узнала о странном поведении молодого человека.

Настя сочинила ей целую историю, что Потемкин решил теперь жить только для науки, что он сам недавно назвал будто бы свое увлечение княжной детской шалостью, согласившись с ее отцом, считавшим это чувство одной глупостью, а потому и избегает ее.

Княжна была поражена, неутешна, но, увы, не отступалась от своего чувства.

Настасья Ивановна, между прочим, передала своей подруге и сущность разговора ее отца с Григорием Александровичем, и княжна почувствовала себя оскорбленной.

С ее сердцем, с ее чувством, значит, только играли?

Она горько оплакивала свою потерянную иллюзию и разбитые мечты.

В это-то время ее позвала к себе графиня Анна Ивановна, которая передала ей о предложении, сделанном князем Святозаровым.

– Я уже выразила согласие... Надеюсь, что ты не пойдешь против моей воли, я тебе заменила отца и мать, – заметила графиня.

Княжна согласилась.

Князь был красив, знатен, ласков, может быть, только немного серьезен для такой молодой девушки.

Княжна чувствовала к нему симпатию и сказала себе:

– Я его могу полюбить!

Этой любовью к мужу она хотела вылечить рану своего молодого сердца.

Свадьбой не замедлили. Она была роскошна. Вся титулованная, сановная Москва присутствовала на ней. Молодые, сделав установленные визиты, через несколько дней уехали в Петербург.

Григорий Александрович Потемкин по-прежнему вел образ жизни, о котором народ очень метко замечает: «одна заря вгонит, другая выгонит».

Домашние его почти не видали и не знали, где он проводит дни. Иван Дементьевич находил нужным дать свободу молодому человеку.

«Пусть забудется... даже покутит малость... Эта встряска только для него полезна...» – думал старик.

Потемкин, однако, и не думал кутить.

Он бросился в другую сторону и целые дни, не посещая классов, проводил в монастырских церквях.

Усердная и продолжительная молитва юноши обратила на него внимание монахов, с которыми он вскоре свел знакомство и стал проводить время в их кельях, за беседой на тему о суете мирской жизни.

Полученное первоначальное воспитание в смоленской семинарии сближало его с лицами духовного звания.

Он нашел среди них себе покровителей, которые поддержали появившуюся в голове молодого человека мысль идти в монахи.

Последовавшее исключение Потемкина из гимназии еще более укрепило его в этом намерении. Свадьба княжны Несвицкой с князем Святозаровым окончательно подвигла его на этот решительный шаг.

Но для поступления в монашество необходимо было заручиться рекомендацией кого-нибудь из лиц высшего духовенства.

В это время в Москве славился умом и подвижничеством жизнью архиерей Амвросий Зертис-Каменский, впоследствии известный архиепископ Московский и Калужский.

Об искреннем желании юноши Потемкина было доложено его преосвященству покровителем молодого человека, монахом Чудова монастыря.

Его преосвященство пожелал увидеть будущего инока и подвижника, как говорил о нем докладчик.

С трепетом сердца вступил Григорий Александрович в архиерейские покои и остался ждать в приемной, пока служка пошел докладывать о прибывшем его преосвященству.

Много дум пронеслось в голове молодого человека, много ощущений испытал он за те десять – пятнадцать минут, которые он провел в приемной Амвросия.

Служка вернулся и попросил Потемкина следовать за ним.

Пройдя еще две комнаты, он отворил дверь и пропустил в нее Григория Александровича.

Молодой человек очутился в образной архиерея.

Это была довольно обширная комната, две стены которой были сплошь увешаны иконами старинного художественного письма, некоторые в драгоценных окладах, а некоторые без всяких украшений, внушающими своей величественной простотой еще более благоговейные чувства... Двенадцать лампад слабым мерцанием освещали комнату, борясь со светом дня, проникавшим в узкие готические окна.

На высоком кресле в черном камлотовом подряснике сидел почтенный старец, перебирая правой рукой надетые на левой кипарисовые четки.

Покрытый клеенкою войлок пола заглушал шаги.

Все в этом уголке молитв московского иерарха располагало к молитвенному настроению.

– Подойди сюда, сын мой Григорий! – раздался грудной, проникающий в душу голос Амвросия.

Потемкин приблизился и с благоговением и каким-то душевным трепетом поцеловал благословившую его руку чудного старца.

Архиерей долгим пронизательным взором обвел стройного красивого юношу, казалось, созданного для счастья, любви и беззаботной жизни шумной молодости, и кротко улыбнулся углом рта.

Быть может, и в голове сурового по жизни монаха промелькнула именно эта мысль и он не мог представить себе этого полного жизни красавца в подряснике послушника, отрекающегося от этой еще не изведанной им жизни.

– В монахи, слышал, хочешь? – спросил его преосвященство.

– Имею искреннее желание, ваше преосвященство... – отвечал хорошо заученной формулой ответов Григорий Александрович.

– А давно ли это у тебя искреннее желание и почему явилось оно? – спросил, после некоторой паузы, пристально смотря прямо в глаза гостя, Амвросий.

– С малолетства... – отвечал заученной фразой Потемкин и опустил глаза, не вынося проникающего в душу взгляда старца.

– Ой ли, с малолетства... Что же, родители изобидели?..

– Никак нет-с...

– Так с чего... Ты мне, молодец, признавайся, как на духу... Между мной и тобой только Бог...

Он снова уставил свой взгляд на Потемкина.

Тот невольно опустился на колени у ног епископа и зарыдал так же, как зарыдал, когда Иван Дементьевич запретил ему видеться с княжной.

– Говори! – заметил Амвросий, дав ему выплакаться.

Григорий Александрович, прерывая свою речь всхлипыванием, откровенно и подробно рассказал весь свой роман с княжной Несвицкой, решение приютившего его Курганова, свадьбу княжны и свое исключение из гимназии...

– С этого-то ты и захотел в монахи? – снова углом рта улыбнулся архиерей. – Отречься задумал от жизни, еще не жив... Думаешь молиться-то легче, чем учиться или служить... Нет, брат, нелегко это, коли по-настоящему, а не по-настоящему совсем не надо, потому грех еще больший... больший... Бога ты не обманешь... Ты, чай, в службу записан?..

Григорий Александрович отвечал, не скрыв и получение чина капрала.

– Видишь, тебя наша матушка-царица еще малышом уже пожаловала, а ты от службы увильнуть хочешь на монастырские хлеба... Ловок, я вижу, ты, брат... Вот тебе мой отеческий совет... Поезжай-ка ты в Питер да послужи-ка верой и правдой нашей милостивице, благоверной государыне... Коли годов через десять сохранишь желание в монахи идти – иди, а теперь нет тебе моего благословения...

Потемкин все еще продолжал стоять на коленях, понутив голову.

– Встань, – сказал архипастырь.

Амвросий тоже встал и подошел к вделанному в стене шкафу, отпер его и, вынув пачку денег, подал ее Григорию Александровичу.

– Здесь пятьсот рублей тебе на дорогу и на первое время... Поезжай и служи...

Григорий Александрович дрожащей рукой взял деньги.

Амвросий благословил его. Молодой человек облил руку старца слезами благодарности. Он вышел от него обновленный.

На другой же день он уехал в Петербург, простившись с Кургановым и не скрыв от него ничего.

Матери он тоже написал откровенное письмо.

VIII. Первый луч и первый яд

Прибыв в Петербург, Григорий Александрович без всяких препятствий был зачислен в действительную службу вахмистром лейб-гвардии конного полка.

Это было в половине 1761 года, последнего года царствования императрицы Елизаветы Петровны, умершей внезапно 25 декабря 1761 года.

Полковая служба вскоре его сблизила со всею лучшею петербургскою молодежью.

Он сделался одним из горячих приверженцев великой княгини Екатерины Алексеевны.

Непродолжительно было царствование Петра III, вступившего на престол после смерти Елизаветы Петровны.

Наступило 28 июня 1762 года – день государственного переворота, доставившего корону Екатерине II.

В числе окружавших в Петербурге молодую государыню представителей гвардии находился и вахмистр Потемкин.

Принимая присягу в верности от гвардии, императрица подъехала верхом к конно-гвардейскому полку и обнажила шпагу.

Вдруг она увидела, что на ней нет темляка и смутилась. Начальство полка заметило это смущение и растерялось.

Григорий Александрович, не сводивший глаз с обожаемой всею молодежью того времени государыни, первый заметил это и, подскакав к смутившейся императрице, сорвал со своего палаша темляк и поднес его стоявшей перед полком с обнаженной шпагой Екатерине.

Государыня милостиво приняла услугу догадливого вахмистра и подарила его благо-склонной улыбкой. Императрицу поразила находчивость и присутствие духа молодого красавца.

Потемкин уже намеревался отъехать к своему месту, но лошадь его, привыкшая к эскадронному ученью, остановилась подле лошади императрицы и не слушая ни шпор, ни усилий всадника, стояла как вкопанная.

– Как вас зовут? – обратилась к сконфуженному вахмистру императрица, желая обод-рить его.

– Вахмистр Григорий Потемкин, Ваше Императорское Величество, – отвечал Григорий Александрович.

– Откуда вы родом?

– Дворянин Смоленской губернии, Ваше Императорское Величество!

– Давно на службе?..

– Второй год, Ваше Императорское Величество!

– Не тяжела служба?

– Теперь, когда жизнь каждого из нас посвящена Вашему Императорскому Ввеличе-ству, – легка...

– Хорошо сказано, господин подпоручик Потемкин... – отвечала государыня.

Таким образом Григорий Александрович был произведен в подпоручики.

Через несколько дней ему было, кроме того, пожаловано шестьсот душ крестьян.

Первый луч яркого солнца счастья блеснул на него.

Набожный юноша всецело приписал это благословию архиерея Амвросия и день-гам, данным ему московским иерархом.

В нем заговорило честолюбие и в этом чувстве ему захотелось утопить оскорбленное чувство первой любви.

Снова, как во дни раннего детства, в его голове застыла мысль: «Хочу быть мини-стром».

Эта новая, созданная им цель его жизни, казалось, успокоила его. Его мысли перестали нестись к дому на набережной Фонтанки, где жили князь и княгиня Святозаровы.

Последние жили очень замкнуто, и Григорий Александрович в течение проведенного в Петербурге года ни разу не встречался со своим прежним кумиром.

Светские петербургские сплетни, однако, не миновали его ушей и глубоко огорчали его.

В петербургском свете говорили, что брак Святозаровых нельзя отнести к разряду счастливых, что супруги не сошлись характерами и ведут жизнь далеко не дружную.

К несчастью, в этих толках было более правды, чем это бывает обыкновенно.

Княжна Зинаида Сергеевна, выйдя замуж лишь с надеждой полюбить своего мужа и этой любовью заглушить первое чувство, не нашла поддержки своим стараниям в князе Святозарове.

Молодой муж не понял ее.

Он чувствовал только, что его жена не принадлежит ему всецело, и вместо того, чтобы стараться привлечь ее к себе ласкою, он стал ревновать к прошедшему, сделался недоверчивым и угрюмым.

Он совершенно перестал улыбаться, молчал и окончательно удалился от общества, принудив к этому и жену. К каждому шагу, к каждому движению княгини он стал относиться с предубеждением.

Сам, быть может, не сознавая того, он сделался тираном.

Молодую княгиню это еще более оттолкнуло от мужа.

Через одиннадцать месяцев после свадьбы княгиня подарила мужу сына.

Князь был на седьмом небе.

Можно было подумать, что он переродился, но, увы, не в пользу жены, – ее он как бы даже не замечал.

Какая-то непонятная отцовская любовь поглощала его всецело.

У него была одна цель в жизни – его сын Василий.

Он окружил его всеми возможными роскошью и удобствами, он расточал ему свои ласки, об нем только и заботился, об нем только и говорил, ему он только и улыбался.

Его друзья и сослуживцы смеялись над ним и говорили, что ему недостает только одного для полнейшего счастья: что он не может кормить сам грудью своего сына.

Княгиня была удалена от сына, она видела его только изредка. К нему приставили кормилицу.

Казалось, князь хотел быть один любимым своим сыном.

Когда мать брала его на руки, он выходил из себя и кричал с беспокойством:

– Оставь, оставь, ты делаешь ему больно!

Он запретил ей даже целовать своего ребенка.

Княгиня покорно переносила весь этот ад семейного очага, эту полную невыносимость мук жизни в золоченной клетке, но все же чувствуя свое одиночество, свою беззащитность от домашнего тирана, она искала хоть кого-нибудь, кому бы могла излить свою наболевшую душу, и нашла...

В несчастной княгине приняла участие ее двоюродная сестра Клавдия Алексеевна.

Надо заметить, что молодая графиня Нелидова недолго после свадьбы Зинаиды Сергеевны оставалась в девушках.

Она вскоре вышла замуж за графа Петра Антоновича Переметьева, старика лет под шестьдесят, годившегося ей не только в отцы, но, пожалуй, в дедушки.

Этот неравный брак наделал большого шума в Москве и был толкуем на разные лады в московском высшем обществе.

Цель графини Клодины была достигнута, она переехала с мужем в Петербург и, так же, как княгиня Святозарова, сделалась статс-дамой при дворе императрицы.

Она-то и приняла участие в своей кухне и выказала ей горячую привязанность.

Зинаида Сергеевна верила в эту запоздалую дружбу и платила ей искренней взаимностью.

Доверчивая и честная по натуре, она и не подозревала, что ее двоюродная сестра играет комедию и с адским расчетом ловко строит ей роковую западню.

Графиня Клодина поклялась отомстить за отбитого у ней жениха, князя Святозарова, и выжидала.

Какое мщение задумала она?

Она хотела во что бы то ни стало совершенно разбить их семейную жизнь и самой явиться в роли утешительницы князя Андрея Павловича, которого она не могла разлюбить до сих пор, но чувство к которому тщательно скрывала в тайнике своего сердца.

Она не была из разборчивых в средствах для достижения своей цели. Она бы ни на минуту не задумалась сделаться любовницей князя Святозарова, лишь бы доставить огорчение его жене, ее счастливой сопернице.

Этой-то предательнице и доверилась молодая княгиня.

Окончательное охлаждение, происшедшее между супругами после рождения сына, было на руку светской интриганке.

Она воспользовалась невинными признаниями своей кухни, чтобы разжечь ревность князя Святозарова.

Вскоре она узнала всю тайну княгини Зинаиды Сергеевны.

Она любила молодого Потемкина и до сих пор не забыла его.

На этом графиня Клодина построила свой гнусный план. Она знала, что молодой Потемкин в Петербурге.

Слух о происшедшем в Петергофе стал быстро известен в высшем свете. Вскоре она устроила, что молодой Потемкин был ей представлен и сделал визит. Его пригласили вечером на маленький *soirée*. Графиня привезла почти насильно к себе и княгиню Святозарову.

Так состоялась неожиданная для обоих встреча.

Графиня Клодина следила за ними во все глаза. Это было в гостиной. Она видела, как они оба смутились и растерялись. Княгиня побледнела при виде молодого офицера и, едва поклонившись, вышла в другую комнату.

Потемкин посмотрел ей вслед и отошел к окну, чтобы скрыть взволновавшие его чувства.

Графиня Клодина все это заметила и осталась довольна.

«Они до сих пор любят друг друга, – сказала она себе. – Дело теперь только в том, чтобы раздуть огонь».

В это время в зале начались танцы.

Графиня подошла к Григорию Александровичу.

– Как вы задумчивы? – сказала она. – Почему вы не танцуете.

– Я никогда не танцую! – отвечал он печально.

– Это теперь говорят все молодые люди... Какие скучные делаются мужчины... Неразговорчивые, серьезные...

– Но если уж дан от Бога серьезный характер.

– Как у вас?

– Да.

– Тогда надо позволить развеселить себя такому капризному существу, как я... Мы ведь с вами старые знакомые, жили когда-то под одной кровлей, хотя виделись довольно редко... Так прочь скуку... Я готова побиться об заклад, что знаю причину ее.

Потемкин побледнел.

– Садитесь здесь со мной. Тут нам никто не помешает и поговорим о вашем, данном от Бога, серьезном характере. Мне сдается, что он явился у вас не особенно давно.

– Вы думаете?

– Да, и знаю даже с какого времени...

– Вот как!

– С тех пор, как княжна Зина вышла замуж.

Григорий Александрович вскочил как ужаленный.

– Что вы... говорите... – начал он, задыхаясь.

– Тише, тише... – засмеялась она. – Я читаю в вашем сердце, как в раскрытой книге.

Вы все еще ее любите.

Он схватил ее за руку.

– Ради Бога, замолчите! – бормотал он.

– Кто же нас слышит? И ее ведь здесь нет, она в зале...

– Все равно... если бы вы знали...

– Что?

– Я чувствую, что не могу совладеть с собой... О, говорите, как вы могли узнать тайну, которую я сам от себя скрывал... Может быть, она сама вам сказала?..

– Несчастливая Зина ничего не говорила мне... Я просто догадалась...

– Вы назвали ее несчастною?..

– Да, она несчастлива.

– Разве князь...

– Князь обожает ее... Но она его не любит...

– Она его не любит?!

– Она не может любить, потому что ее сердце принадлежит вам, потому что она осталась верной своей первой любви...

– О, замолчите, замолчите...

– Почему? Разве я говорю неправду, разве вы сами не заметили, как она побледнела, встретившись с вами, как она задрожала, кланяясь вам...

– Мне показалось, что она хотела избежать этой встречи.

– Конечно, при такой массе свидетелей она должна была бояться выдать себя.

Григорий Александрович задышался от волнения. Графиня Клодина положительно пожирала его глазами.

– Я люблю Зину и страдаю с ней вместе. Я бы так хотела видеть ее счастливой... Зачем вы не женились на ней?

– Я не смел и об этом и думать...

– Жаль, что я не знала об этом ранее... Зина была бы теперь вашей счастливой женой.

IX. Змея

– Теперь я все понимаю! – продолжала коварная женщина. – Иван Дементьевич своим самолюбием и своей гордостью погубил две жизни... Он разлучил вас с Зиной и разбил вашу университетскую карьеру... В это время князь сделал предложение... Вы, быть может, не знаете, что сначала она отказала... Она, наверное, ждала... вас... Но, так как вы скрывались от нее, она с отчаяния послушалась совета моей матери... Она, конечно, подумала, что вы никогда не любили ее.

– Бедная княгиня! – вздохнул Потемкин. – Она презирает меня теперь, ненавидит, быть может...

– О, я могу поклясться, что тот поцелуй, которым она подарила меня, предназначался для вас.

Григорий Александрович сомнительно покачал головой.

– Нет, нет, все кончено! Она жена другого... О, если бы я смел с ней поговорить, если бы я мог ей сказать...

– Что вы все еще ее любите?

– Нет, это было бы для нее оскорбительно... но я хотел бы объяснить ей свое поведение в Москве...

– Что же вас удерживает?

– Она не захочет меня выслушать...

– В ее будуаре, может быть – нет... Но здесь, у меня...

– За такое счастье я отдал бы всю жизнь! – сказал он дрожащим голосом.

Глаза графини Клодины блеснули.

– Это я вам устрою... Необходимо действительно, чтобы вы оба объяснились. Это будет для нее утешением, а для вас облегчением...

– Как вы добры.

– Хорошо, хорошо, вы меня поблагодарите после...

В это время в гостиную вошла княгиня Зинаида Сергеевна.

Графиня Клодина пошла ей навстречу, между тем взгляды княгини и Григория Александровича, продолжавшего стоять на том же месте, встретились.

Казалось, это были две встретившиеся молнии.

Княгиню поразила необыкновенная бледность молодого человека.

Ее сердце наполнилось жалостью.

Сославшись на головную боль, она простилась с хозяйкой, которая успела шепнуть ей:

– Я буду у тебя завтра... Мне надо многое сказать тебе...

Княгиня вспыхнула. Она прочитала на губах подруги готовое с них сорваться имя Потемкина.

– Ты всегда моя желанная гостья... – с трудом проговорила она.

Подруги расцеловались.

– Так до завтра! – шепнула княгиня.

– Да.

Княгиня уехала.

Вскоре откланялся хозяину и хозяйке и Григорий Александрович.

На другой день, часов около трех, графиня Клодина уже была в будуаре княгини Святозаровой.

Последняя ожидала ее с нетерпением.

– Твои вчерашние слова, милая Клодина, ужасно беспокоили меня, – начала княгиня Зинаида, когда подруга удобно уселась в кресле. – Я продумала о них всю ночь... У тебя есть, верно, передать мне что-нибудь очень важное?

– Это зависит от того, как ты на это взглянешь... Дело идет о сохранении твоего спокойствия, даже о предупреждении опасности.

– Опасности! Ты меня пугаешь...

– Ты доверила мне часть своей тайны, милая Зина, но сказала, с понятной сдержанностью, не все... Но настоящая дружба проницательна... Ты простишь меня, если я тебе скажу, что я все узнала.

– Все узнала! – воскликнула, дрожа, княгиня.

– Да, вчера я еще сомневалась, но твое смущение вечером мне все открыло.

Княгиня опустила голову.

– Но это не та опасность, о которой я говорю, – продолжала великосветская змея. – Главная опасность заключается в его любви к тебе... в любви безумной...

Княгиня радостно улыбнулась.

– Ты думаешь? – спросила она.

– К несчастью, я в этом уверена...

– Он тебе сказал это?

– Да.

– Что же он говорил тебе? – взволнованным голосом торопливо спросила княгиня.

Графиня Клодина рассказала о вмешательстве в любовь молодых людей Ивана Дементьевича Курганова.

– О, я теперь все поняла! – воскликнула княгиня, закрыв лицо руками.

– Несчастный открыл мне свое разбитое сердце, он говорил мне о своей безнадежной любви к тебе, о своем безысходном горе.

Княгиня Зинаида простонала, не отнимая рук от лица. Графиня продолжала.

– Его отчаяние произвело на меня сильное впечатление... Сознаюсь тебе, мне стало искренно жаль его...

– Клодина, Клодина! – подняла голову княгиня Зинаида и вдруг испуганно спросила:

– Ты не сказала ему, что и я несчастна?..

– Я от этого воздержалась...

– Значат, он думает, что я его не люблю...

– Милая моя, большинство женщин умеют скрывать свои чувства, ты же не принадлежишь к их числу. Твои глаза – зеркало твоей души... Ты сама выдала себя ему с головой... Он понял, что ты не забыла его...

– О, горе мне! – воскликнула княгиня.

– В настоящее время он находится в отчаянном положении. Вновь вспыхнувшая страсть к тебе не остановится ни перед чем... Меня это заставляет опасаться... тем более, что он теперь на хорошей дороге по службе... на дороге блестящей...

– Несчастный! – пробормотала княгиня.

– Его любовь безгранична, и, во всяком случае, он хочет тебя видеть, с тобой говорить.

– Это невозможно! – испуганно воскликнула княгиня.

– Эта мысль засела ему в голову... Чтобы добиться этого, он на все готов, он силой ворвется в твою комнату и, думаю, не побоится даже твоего мужа, если бы он загородил ему дорогу.

– И ты не объяснила ему все безумие этой мысли?

– Объяснить безумному?!

– Что же делать, что же делать?.. – говорила княгиня, ломая руки.

– Это-то и есть та опасность, о которой я упомянула и которую надо предупредить...

– Но как? Я не вижу средств!..

– Подумай, что может произойти, если между отчаянно влюбленным Потемкиным и твоим мужем произойдет стычка.

Молодая женщина задрожала.

– Клодина, Клодина! – умоляющим голосом сказала она. – Не покидай меня, посоветуй мне...

Несчастливая сама лезла в западню.

Графиня, по-видимому, обдумывала и наконец сказала после продолжительной паузы:

– Знаешь, Зина, что бы я сделала на твоём месте?

– О, говори, говори...

– Чтобы предупредить с его стороны безумную выходку, я согласилась бы на его просьбу, я бы увиделась с ним.

– Что ты выдумываешь?! Пойми, как я могу его здесь принять, тайком от мужа?..

– Здесь, конечно, нет, но Петербург велик. Есть много мест... где встретиться. Это может произойти будто бы нечаянно...

– Свидание! – испуганно вскрикнула княгиня. – Я никогда не решусь на это!

Графиня Клодина закусил губу и окинула свою собеседницу злобным взглядом.

Это было, впрочем, лишь на одно мгновение. Она переломила себя и сказала ласково:

– Я ведь только сказала, что бы я сделала на твоём месте... Я опасаюсь за твоё семейное спокойствие и хотела предупредить катастрофу... Впрочем, я не понимаю, что ты видишь дурного в этом свидании, тем более, что им, быть может, можно спасти несчастного человека от самоубийства...

Княгиня тихо плакала.

– Подумай об этом, милая Зина, – продолжала графиня. – Дело идет о жизни и смерти почти юноши, одно твоё слово может спасти или погубить его... Признаюсь тебе, что я дала ему слово, что уговорю тебя на это свидание... Это мой долг, а то бы он ещё вчера наделал глупостей, которые могли кончиться смертью его или князя.

Графиня Клодина, видимо, принимала все меры, чтобы запугать княгиню Святозарову и заставить её решиться на тот шаг, который нужен был ей для её мщения.

Молодая женщина всё ещё не соглашалась.

Графиня решила на последнюю ставку.

– Знаешь ли, чего я всего более опасаюсь? – сказала она. Княгиня подняла на неё свои заплаканные глаза.

– Говори мне всё, что ты думаешь...

– Что он вызовет твоего мужа на дуэль...

– Но по какой причине?..

– Боже мой, как ты наивна; конечно, он не скажет ему: «я люблю вашу жену». Мужчины всегда найдут какой-нибудь повод для столкновения... Он умышленно оскорбит твоего мужа публично и причина дуэли готова...

Княгиня Зинаида Сергеевна сидела, как приговоренная к смерти.

– Что делать? Что делать? – повторяла она. Графиня Клодина молчала.

– Скажи мне хоть слово... Дай совет... – с болью в голосе обратилась молодая женщина к своей гостье.

– Я уже сказала... – хладнокровно отвечала та.

– Согласиться на свидание... – задумчиво произнесла княгиня.

Графиня продолжала сидеть молча, перебирая кружева своего платья.

Молодая женщина тоже молчала. По её лицу было видно, что внутри её происходит страшная борьба.

– Я хочу его видеть, я буду с ним говорить! – воскликнула княгиня.

В глазах графини блеснула злобная радость.

– Я буду с ним говорить! – повторила княгиня. – Но где и как?

– Положись на меня! – с убеждением сказала графиня.

– Ты сможешь мне...

– Ты сомневаешься в дружбе?!

– И останешься около меня, чтобы в случае чего, спасти меня от самой себя?

– Я обещаю тебе это.

– Но кто его об этом предупредит?

– Я.

– Скажи же ему, что я это делаю только для того, чтобы исполнить твое обещание...

Слышишь?..

– Успокойся... Скажу все, что надо и что оградит твою честь.

– Где же мы можем увидеться?

– Я обдумываю это и мне кажется, что я придумала.

– Так пусть это будет завтра, послезавтра, как можно скорей.

Графиня Клодина нежно обняла свою жертву и, притянув ее к себе, горячо поцеловала.

– Где же? – спросила с дрожью в голосе княгиня.

– Я скажу это тебе завтра... Сегодня я все это еще хорошенько обдумую.

– Где же мы увидимся?

– Приезжай ко мне... в это же время...

– Хорошо... И это будет завтра же?..

– Этого я не знаю... Ты очень спешишь...

– Чем скорее, тем лучше... Я не успокоюсь до тех пор, пока все это так или иначе не кончится...

– Все кончится благополучно... – углом рта улыбнулась графиня. – Однако, мне пора...

Мне еще надо во дворец.

Обе женщины снова крепко расцеловались.

Искренен был поцелуй только со стороны княгини Зины.

Х. Анонимное письмо

Княгиня Зинаида Сергеевна на другой день аккуратно прибыла к своей «спасительнице», как она мысленно называла графиню Клавдию Афанасьевну.

Дом графа Переметьева находился на Невском проспекте, вблизи Фонтанки, следовательно, в очень недалеком расстоянии от дома Святозаровых.

Был прекрасный день ранней осени.

На дворе стоял сентябрь.

Подъехав к роскошному дому графа Переметьева, княгиня отпустила свою карету, приказав приехать за ней часа через три.

У подъезда дома она заметила карету графини.

– Ужели сегодня! – подумала княгиня и сердце у ней усиленно забилося.

Графиня Клодина ожидала ее действительно уже в шляпе и после первых приветствий объявила, что пора ехать. Княгиня покорно последовала за своей подругой.

Обе женщины сели в ожидавшуюся у подъезда карету и она покатила.

– Куда мы едем? – робко спросила княгиня.

– На Васильевский...

– Он там ждет? – тревожно воскликнула княгиня.

– Нет! Свиданье назначено не на сегодня. Боже мой, как ты дрожишь, успокойся или...

– Я не знаю, что со мной? Я ужасно боюсь.

– Боишься, разве я не с тобою...

– У меня какое-то тяжелое предчувствие близкой беды.

– Какой ты еще ребенок!

– Клодина, если он там не ждет, для чего же мы едем в такую даль, на Васильевский...

– Ты это узнаешь... – смеясь, ответила графиня.

Васильевский остров в описываемое нами время входил в состав города лишь по 13-ю линию, а остальная часть, вместе с Петербургскою стороною по реку Карповку, составляла предместье.

На десятой линии, куда привезла графиня Клавдия Афанасьевна княгиню Зинаиду Сергеевну, среди развалившихся хижин и заборов был лишь один почти новенький одноэтажный деревянный домик, весело выглядывавший из-за палисадника, освещенный мягкими лучами сентябрьского солнца.

Дом, казалось, необитаем. По крайней мере с переднего фасада пять его окон были закрыты ставнями и заложены болтами, открытыми оставались лишь окна, выходившие в большой двор и тенистый обширный сад позади двора.

Карета остановилась, и графиня вышла из нее, предложив сделать то же самое и своей спутнице.

Княгиня с недоумением осматривала пустынную, немощеную улицу, с деревянными мостками вместо тротуаров.

Клавдия Афанасьевна между тем дернула за звонок, находившийся у калитки.

Из стоявшей в глубине двора сторожки показался высокий, несколько сторбленный старик и медленно, развалистою походкою подошел к решетке.

Увидав графиню, он как-то быстро выпрямился и также быстро отодвинул засов.

– Здравствуйте, матушка, ваше сиятельство... – зашамкал ой своим беззубым ртом, низко кланяясь приехавшим дамам.

– Здравствуй, Акимыч, все ли у тебя благополучно?

– Бог милостив, ваше сиятельство, все благополучно... и чему быть неблагополучному... тишь у нас, да гладь, да Божья благодать!..

– Отопри дом... – приказала Клавдия Афанасьевна.

Старик бросился, насколько позволяли ему его старческие силы, снова к сторожке и вышел через минуту уже к вошедшим на дворе дамам, гремя ключами...

Направившись к дому, он отпер подъезд, и графиня с княгиней вошли в дом.

Он был небольшой, но очень уютный, вся меблировка, состоявшая из дорогой мебели, зеркал, бронзы, содержалась в образцовой чистоте.

Из окон, выходявших в сад и во двор, лились потоки света.

– Где мы? – удивленно спросила княгиня.

– У меня! – отвечала Клавдия Афанасьевна.

– У тебя!

– Да, этот дом принадлежал матери моего мужа, которая до самой смерти не хотела переехать в другую часть города. После ее смерти, муж оставил его как он есть, но, конечно, отремонтировал, оттого он и выглядит почти новым. Старик Акимыч, бывший дворецкий старой графини, с женой и двумя взрослыми дочерьми, сторожит этот памятник его барыни как зеницу ока; старшая его дочь служит у меня камеристкой, и все семейство мне очень предано... Я вспомнила об этом домике, заботясь о тебе... Домик этот точно нарочно устроен для свиданий... влюбленных.

Княгиня вдруг вспыхнула и укоризненно посмотрела на свою подругу.

Та как будто не заметила этого взгляда и продолжала:

– Сегодня суббота... Через неделю я приеду сюда в это же время... Теперь ты знаешь дорогу и можешь приехать одна... Впрочем, карета, которая привезла нас сюда, будет ожидать тебя у подъезда моего дома и доставит тебя без хлопот в этот глухой уголок Петербурга... За это время я извещу Потемкина, и он также приедет сюда... Мы оба будем тебя ждать после трех часов...

– Если это уже так надо, то я приеду... – сказала княгиня с дрожью в голосе. – Но ты ведь будешь здесь, не правда ли... Ты будешь около меня? Ты мне это обещала...

– Да, да, если ты этого хочешь, успокойся...

– У меня нет больше от тебя тайн, Клодина, все, что бы я ни говорила с Григорием Александровичем, ты можешь слышать...

– Какое счастье, что я вспомнила об этом домике... – заметила графиня, не отвечая ничего на слова Зинаиды Сергеевны.

Они вышли из дома.

Акимыч почтительно ожидал их у крыльца.

– Иди, садись в карету, я сделаю только кое-какие распоряжения... – сказала графиня и, подойдя к старику, стала ему говорить что-то вполголоса.

Через несколько минут она вышла из калитки и села рядом с сидевшей уже в карете княгиней Святозаровой.

Менее чем через четверть часа они были уже дома, и княгине вскоре доложили, что за ней приехала карета. Подруги расстались, крепко несколько раз поцеловавшись.

Неделя прошла.

Княгиня Зинаида Сергеевна с удовольствием бы провела эти дни наедине сама с собою, но графиня Клодина, видимо, опасаясь, как бы ее подруга не раздумала и не разрушила бы этим весь хитро придуманный план, являлась к ней ежедневно и под каким-нибудь предлогом увозила ее из дому.

В субботу утром, князь Андрей Павлович Святозаров получил следующее письмо:

«Ваше сиятельство!

Один преданный друг считает своей священной обязанностью предупредить вас о деле, которое касается вашей чести и семейного счастья и которое известно уже всему Петербургу. Уже с месяц, как княгиня Святозарова назначает свиданья одному молодому офицеру.

Эти свиданья происходят в 10-й линии Васильевского острова. Там есть единственный приличный дом с тенистым садом, и вы без труда найдете его. Сегодня, в субботу, они должны видеться там после трех часов. От вас зависит, ваше сиятельство, убедиться в справедливости этих слов и наказать тех, кто покрывает незаслуженным позором ваше честное имя».

Прочитав эти строки, князь, как пораженный громом, упал в кресло в своем обширном, роскошно отделанном кабинете.

Его била лихорадка, и он обезумевшими глазами смотрел на листок бумаги, который держала его дрожащая рука.

– Какая подлость! – хрипло простонал он и злобно скомкал роковое письмо.

Несколько минут он остался неподвижен и даже перестал дышать.

Затем он поднял голову, его побледневшие губы горько улыбались.

– Анонимное письмо! – с омерзением сказал князь самому себе.

Вдруг в груди его заклокотало ревнивое бешенство.

– Но если это правда! – прошептал он. – У меня нет врагов! И притом этот подробный адрес... Нет, это, должно быть, правда... Она не любит меня... О, позор, позор! Обманут, обманут ею... О, несчастная, презренная женщина... Ничто не удержало ее, бесстыдную, от преступной страсти – даже мысль о своем ребенке не могла спасти ее! Она украла мою честь и покрыла позором мое имя и колыбель своего ребенка... А я... я любил ее так искренно... Я все еще люблю ее и теперь!.. О, как справедливо было мое подозрение... Это ужасно, ужасно!

Он вскочил в неистовстве.

Из его груди вырвались глухие стоны, его руки поднялись как бы кому угрожая.

Было мгновение, когда он хотел идти к жене и показать ей это письмо.

Если бы он это сделал, княгиня могла бы сейчас оправдаться, рассказав всю правду.

Но, к несчастью, князь этого не сделал. Ревность – плохой советчик.

Она овладевает разумом и сердцем и смущает самую сильную душу.

Князь решил убедиться и отомстить.

Князь неровными шагами стал ходить по кабинету, стараясь успокоиться, что было необходимо для появившегося в голове его плана.

Спокойствие между тем не давалось ему.

Напротив, он более и более расстраивал себя, припоминая поведение своей жены за последнее время. Оно представлялось ему в самых мрачных красках. Ее слова, ее движения, самое выражение ее лица восставали в его односторонне направленном уме уличающими фактами ее неверности.

Сомнение в ее виновности через какие-нибудь полчаса выросло в твердую уверенность...

– О, я буду отомщен, я смою мой позор кровью...

Он бросился в детскую, чтобы у колыбели своего ребенка найти силу пережить те несколько часов, которые остались до полного убеждения в том ужасном факте, что он «обманутый муж» и что у его сына нет «честной матери».

XI. Двойной выстрел

К завтраку граф вышел по наружности совсем покойный. Он принудил себя даже к разговору со своей женой. При этом, однако, он пристально смотрел на нее и заметил, что она имела расстроенный и растерянный вид.

«У нее нечистая совесть!» – подумал он. После завтрака он спросил:

– Ты сегодня дома?

– Нет, я думаю выйти.

– Куда, можно полюбопытствовать?

– К Клодине.

– Но она, кажется, была вчера у тебя.

– Да, но я обещала ей сегодня привезти узор для подушки...

– Ты поедешь в карете?..

– Нет, я хочу пройтись, мне необходимо движение...

– Как хочешь... Я также еду.

С этими словами он вышел из столовой.

Княгиня вздохнула.

Ее снова охватил страх.

Но не ехать было нельзя. Графиня и он ждали.

«Быть может, я поступаю нехорошо, но я делаю так, как подсказывает мне моя совесть!» – подумала княгиня.

Князь Андрей Павлович вернулся к себе в кабинет и с силой дернул за сонетку.

Через минуту в комнату вошел камердинер.

– Велите заложить карету, но чтобы она не выезжала к подъезду ранее, нежели я скажу.

– Слушаю-с, ваше сиятельство! – сказал старый слуга и направился к двери.

– Степан! – остановил его князь. – Когда графиня выйдет из дома, доложишь сейчас же мне.

Камердинер вскинул удивленно-испуганный взгляд на своего барина, но тотчас потушился и произнес лаконически «слушаю-с», удалился.

Князь подошел к одному из библиотечных шкафов, стоявших по стенам обширного кабинета, отпер ящик и отворил его.

Вынув черной кожи футляр, он открыл его.

В футляре оказался изящно отделанный пистолет-двустволка.

Положив обратно футляр в ящик, он вынул из последнего пороховницу и мешочек с пулями. Медленно и тщательно зарядив пистолет, он сунул его в карман.

Медленными шагами начал он ходить по кабинету.

Дверь отворилась, и на ее пороге появился камердинер.

– Ее сиятельство изволили выйти из дому! – доложил он.

Князь вздрогнул, остановился, обвел слугу недоумевающим взглядом и вдруг, как бы что-то вспомнив, быстро направился к выходу из кабинета, бросив на ходу камердинеру:

– Велите подавать карету!

Камердинер посторонился, чтобы пропустить князя и, печально качая головой, пошел исполнять приказание.

Когда князь вышел из подъезда, он увидел свою жену в нескольких стах шагах от себя, уже подходящей к Аничкову мосту.

Князь Андрей Павлович пошел пешком, приказав экипажу следовать за собой шагом.

Он быстро дошел до моста, чтобы не потерять из виду жену.

Последняя шла не торопясь по Невскому проспекту и не доходя до дома графа Переметьева, вдруг скрылась.

«Она села в заранее приготовленную карету!» – догадался он.

Вскочив в свою карету, он приказал кучеру следовать на расстоянии за ехавшим экипажем.

Бледный, со стиснутыми от внутренней боли зубами, он то и дело высовывался из окна кареты и страшным взглядом следил за экипажем, увозившим его жену на любовное свидание.

Княгиня Зинаида Сергеевна ехала ни жива ни мертва, хотя, конечно, и не подозревала, что в ста шагах от нее ехал за ней ее муж.

Графиня Клавдия Афанасьевна, понятно, и не думала ехать в этот день на Васильевский остров.

Устроив ловушку своей подруге, она ограничилась лишь тем, что отдала на этот день соответствующие приказания Акимычу, его жене и дочерям на случай прибытия в западню намеченных ею жертв.

Сама она в тот момент, когда обе кареты с князем и княгиней Святозаровыми, уже подъезжали к 10-й линии Васильевского острова, спокойно обсуждала со своей портнихой фасон нового бального платья к предстоящему зимнему сезону.

Княгиня робко вышла из остановившегося экипажа и с замиранием сердца подошла к калитке.

Она оказалась отворенной.

Она вошла во двор и направилась к парадному крыльцу, тоже оказавшемуся незапертым.

Пройдя переднюю залу, она очутилась в гостиной, окна которой выходили в сад.

Здесь она увидела совершенно незнакомого ей молодого офицера.

Это не был Потемкин...

– Поручик Евгений Иванович Костогоров... – представился он ей, почтительно кланяясь.

– Что вам угодно? – растерянно произнесла княгиня и зашаталась.

Он ловко подставил ей кресло, в которое она скорее упала, нежели села.

– Мой друг и товарищ Григорий Александрович просил... поручил... – начал, путаясь, молодой человек.

– Что он поручил вам? – снова, почти бессознательно, спросила княгиня, вся дрожа от волнения.

– Хотя он и желал бы очень видеться с вами, независимо от вашего настойчивого приглашения, переданного ему вашей знакомой...

Княгиня подняла голову и окинула его удивленным взглядом.

– Но, обдумав все серьезно и хладнокровно... он нашел, что это свидание будет лишь лишней мукой для него и для вас... Вам лучше не видеться совсем... особенно наедине... Он просил вас извинить его... Он не будет...

– И это он... поручил... сказать... вам... когда сам...

Княгиня остановилась и побледнела еще более.

– За мою скромность... я ручаюсь вам честью нашего мундира... Притом, я не имею удовольствия вас знать... не знаю и не хочу знать вашего имени... – сказал молодой человек, думая, что сидевшую перед ним барыню возмутила откровенность с ним Потемкина.

– Но где же графиня? – вдруг вскрикнула Зинаида Сергеевна. Молодой офицер с недоумением посмотрел на нее.

– Я не знаю никакой графини и не видел здесь никого.

Княгиня поднялась в страшном волнении. Она стала понимать правду.

В это время с улицы донесся шум подъехавшего экипажа.

– Это ловушка! – бормотала она. – Это ловушка! Но к чему, зачем?

Молодой человек был изумлен. В соседней комнате раздались тяжелые шаги.

Княгиня бросилась к двери и очутилась лицом к лицу со своим мужем.

– Измена, подлость! – вскрикнула она и стала перед князем, преграждая ему дорогу.

Лицо князя Андрея Павловича страшно изменилось. Он был бледен, как полотно, губы его дрожали. В руке у него был пистолет. Он прямо подошел к молодому офицеру.

– Выслушай меня, выслушай меня! – кричала княгиня, бросаясь между мужем и молодым человеком.

Он с силою оттолкнул ее. Он совершенно обезумел.

– Милостивый государь! Я клянусь вам, что я эту барыню... – начал было молодой человек, но не успел окончить фразы.

Раздался двойной выстрел.

Граф выстрелил из обоих стволов.

Несчастный молодой человек глухо вскрикнул и упал к ногам графа.

Княгиня с криком сделала несколько шагов к раненому, и вдруг зашаталась и упала около него.

– Я отомстил! – пробормотал князь, взглянув на свою жертву с этими словами он бросил пистолет в окно, в сад.

Затем он поднял свою жену на руки и понес ее, запачканную кровью, из дома через двор на улицу, где кучера весело болтали друг с другом.

Появление князя с бесчувственной княгиней на руках прекратило их разговор.

Оба кучера обменялись взглядами.

Князь положил свою жену в карету, сел рядом и велел кучеру ехать домой.

Княгиня очнулась уже около Невского проспекта. Она удивленно обвела глазами кругом себя и вспомнила все.

С каким-то паническим ужасом она отодвинулась от своего мужа в угол кареты.

– Он умер! – простонала она.

– Я, защищая свою честь, убил твоего любовника!.. – сказал князь.

Глаза ее сверкнули гневом. Она уже готова была защищаться, но вдруг замолчала.

Незаслуженное оскорбление возмутило ее.

Если она решилась на это роковое, устроенное графиней свидание, то только для того, чтобы спасти своего мужа от безумной выходки влюбленного в нее Потемкина, а теперь этот муж, убийца ни в чем неповинного человека, смел бросать ей в глаза обвинение в неверности.

Она и Потемкин сделались жертвою гнусной интриги злой, хитрой и мстительной женщины; его друг, взявшийся исполнить его поручение, подсказанное благоразумием, поплатился за это жизнью, а этот убийца спокоен и считает себя правым.

– Почему же вы меня так же не убили, как и этого несчастного... – произнесла она, судорожно подергивая губами.

– Ты мать моего ребенка! – сказал он. – И несмотря на все это, я люблю еще тебя...

Она вздрогнула.

– Да, – продолжал он ласково, – это правда, Зина, я все еще тебя люблю, я постараюсь забыть... – сдавленным шепотом проговорил он последние слова.

– Свое преступление... – сказала она.

– Позор, которым ты меня покрывала... – отвечал он. – И если ты хочешь, я могу тебя простить.

Она презрительно пожала плечами и сухо ответила:

– Я не нуждаюсь ни в чем прощении, а в вашем в особенности... Забудьте сегодняшний день, если можете, а я, я не в силах забыть его.

В это время карета остановилась у подъезда.

Князь вышел и предложил руку жене, чтобы помочь ей, но она сделала вид, что не заметила его протянутой руки.

Войдя в дом, она тотчас ушла в свою комнату и заперлась изнутри.

XII. Предсмертная записка

Оставшись наедине с собой, княгиня опустила в кресло, закрыла лицо руками и неудержимо зарыдала.

Напряженные с того момента, как она очутилась в карете и вспомнила все, нервы не выдержали, и она должна была найти исход в слезах, крупными каплями катившихся из глаз несчастной женщины.

Ее муж – убийца ни в чем не повинного человека! Она – участница этого преступления, главная причина смерти товарища друга ее детских игр, предмета ее первой и, кажется, последней любви – Потемкина.

Она вся дрожала при этом воспоминании. Вдруг ей пришла на память графиня Клодина. Лицо княгини исказилось от внутреннего волнения. О, как она ненавидела теперь эту женщину!

– Это чудовище! – вслух произнесла она с омерзением.

Она бросилась на колени перед висевшими в углу образами, ломала руки, рыдала и молилась.

В опустевшем домике на Васильевском острове происходила между тем другая, полная ужаса сцена предсмертных мук молодого офицера.

Он видел, как князь унес жену, и понял, что последний принял его за любовника, разбившего его семейное счастье.

Евгений Иванович хотя и присел на полу, но чувствовал себя очень слабым.

Он сознавал опасность своего положения и не обольщался надеждою на возможность жить.

В его уме сложилась какая-то странная уверенность, что он ранен смертельно.

Вследствие этого он откинул всякую мысль о себе и задумался над положением остальных действующих лиц в этой роковой драме, где он разыграл роль случайной жертвы.

Только случайной – это он хорошо понимал.

Сидевшие в нем пули предназначались для Потемкина. Последний, конечно, не знал об этом, посылая его на это роковое свидание.

Эта дама и ее муж несомненно принадлежат к высшему петербургскому свету, и ни он, ни она неповинны в его смерти. Она, понятно, менее всех, придя на свидание любви, не рассчитывала сделаться свидетельницей убийства. Он, застав свою жену с любовником, каковым должен был быть сочтен каждый мужчина, находившийся наедине с его женой, имел нравственное право; кровью похитителя его чести смыть позор со своего имени.

Значит, виновных в его смерти нет.

Так решил умирающий.

За что же они пострадают за него, если его труп найдут здесь и начнется следствие?

За что он заставит их испытать все неприятности полицейских розысков?

Нет, никогда! Ведь этим он не вернет себя к жизни.

С усилием он расстегнул мундир и вынул из кармана записную книжку с карандашом.

Вырвав листок, он написал слабеющей рукой следующие строки:

«В смерти моей прошу никого не винить... Я застрелился сам. – Костогоров».

Спрятав записную книжку, он сунул в карман и написанную им записку.

Еще минуту, и он бы опоздал. В глазах его потемнело, и он лишился чувств.

Пришедший вскоре Акимыч застал бездыханный труп.

Он бросился в полицию, которая вскоре прибыла на место и увезла покойника в часть, впредь до выяснения личности застрелившегося офицера.

Найденная в кармане записка, а в саду револьвер привели полицию к несомненному убеждению, что офицер застрелился.

Оставался открытым вопрос, как, зачем попал он в необитаемый дом графа Переметьева.

Спрошенный Акимыч отозвался положительным незнанием.

– Проветривал я, ваше благородие, комнаты, – отвечал он на вопрос квартального, – может, и забыл запереть входную дверь, а как его милость забрались туда и засели – мне неведомо.

На этом показании старик и уперся.

Весть о самоубийстве офицера на Васильевском острове, доложенная в тот же день государыне полицмейстером, облетела быстро весь город и достигла графини Переметьевой и князя и княгини Святозаровых – этих трех лиц, которые знали более по этому делу, нежели петербургская полиция.

Граф Петр Антонович Переметьев съездил к полицмейстеру, и этот визит сделал то, что неправдоподобному показанию Акимыча о том, что ему неизвестно, каким образом поручик Костогоров очутился в охраняемом им доме, дали полную веру.

На князя известие о найденной записке самоубийцы произвело самое тяжелое впечатление.

– Сильно же он любил ее, если ходил на свиданья, постоянно ожидая смерти, и, чтобы не набросить тень на любимую женщину, носил в кармане свой смертный приговор.

С княгиней произошло нечто необычайное.

Она вдруг безумно, страстно полюбила этого погибшего из-за нее человека.

Утро другого дня застало ее не сомкнувшею глаз всю ночь.

Она провела ее в слезах и молитвах за накануне ей неизвестного, а теперь дорогого покойника.

Ее жизнь была разбита – она это чувствовала.

Для нее не существовало теперь ни счастья, ни покоя.

Сердце ее навсегда закрылось для ее мужа.

Его ревность, его постоянное мрачное настроение навсегда оттолкнули ее от него.

Кровь невинного человека, которую он пролил, легла между ним и ею глубокою пропастью.

Они не могли более жить вместе.

Княгиня решила уехать и жить вдали от людей, похоронить свою молодость.

Только мысль о ребенке немного останавливала ее – она знала, что его не отдадут ей.

Но страх и отвращение ее к мужу преодолели в ней материнское чувство.

Ее ребенок и без того так мало принадлежал ей.

Более того ее гнала от мужа одна мысль, что он может подумать, что она хочет оправдаться перед ним. Она, напротив, не хотела, чтобы он хотя на минуту усомнился в ее виновности.

В этом она находила удовлетворение своей гордости, возмездие за свое глубоко оскорбленное чистое сердце.

Не хотела ли она своим молчанием пробудить в душе мужа угрызения совести?

Может быть!

Она боялась одного, что муж не пустит ее, что он захочет продолжать эту невыносимую для нее совместную жизнь.

Она встала с постели, отперла дверь и дернула за сонетку.

Через несколько минут появилась ее горничная Аннушка, молодая, миловидная брюнетка, с вздернутым носиком и бойкими глазами.

– Анюта, прикажи принести сюда из гардеробной сундуки и чемоданы и уложить все мои вещи.

Аннушка, хотя и знала от прислуги о размолвке между княгиней и князем, но все же сделала удивленный вид и остановилась, как бы не поняв приказания.

– Что же ты стоишь, разве ты не поняла меня?

– Поняла, ваше сиятельство, но разве вы... – девушка остановилась.

– Что «разве я?»

– Уезжаете?

– Да, я еду...

– Далеко?

– Ты это увидишь, так как я возьму тебя с собою.

– Я готова ехать с вашим сиятельством хоть на край света.

– В таком случае торопись, так как мы должны уехать сегодня же.

Князю Андрею Павловичу не замедлили доложить, что княгиня готовится к отъезду.

Не прошло и часу после отданного Зинаидой Сергеевной приказания, как князь вошел в ее комнату.

– Правда ли, что вы хотите уехать?

– Да, даже сегодня...

– Сегодня!

– Это мое право...

– Может быть... Но вы не сделаете этого. Зина, умоляю тебя, обдумай хорошенько, пока есть время. Выслушай меня. Я люблю тебя, так люблю, что хочу забыть о случившемся.

Она покачала головой.

– Князь, есть вещи, которые не забываются: кровь, которую вы пролили, покойник, который нас разлучает.

Андрей Павлович посмотрел на жену мрачным взглядом.

– Мне страшно слышать от вас такие речи. Если я вас не упрекаю, если я не требую от вас отчета в поругании моего имени, то вы должны были молчать так же, как и я. Тот не преступник, кто защищает свою честь. Я убил негодяя!..

– Князь, не надругивайтесь над своей жертвой!

– Вы решаетесь заступаться за него при мне!

– Перед вами и перед целым светом.

– Но ведь это бесстыдство! – воскликнул он.

– Нет, князь, это только справедливо.

– Но ведь это был ваш любовник!

Княгиня промолчала, но потом вдруг спросила:

– Если вы думали, что я опозорила ваше имя, зачем вы не убили и меня?

– Признаюсь, у меня была эта мысль, но я вспомнил о нашем ребенке и моя рука не поднялась на тебя... Твой сын защитил тебя... Он еще более, чем моя любовь, заставляет меня простить тебя и позабыть о случившемся... Ему одному ты должна быть благодарна за мое снисхождение... Я умоляю тебя остаться...

– Я твердо решила уехать, князь... Я хорошо обдумала! Мы не можем больше жить вместе.

– Да, конечно, я возбуждаю в вас отвращение, – сказал он глухим голосом. – Это понятно. Вы меня никогда не любили, а теперь вы меня ненавидите за то, что я убил вашего любовника.

Княгиня задрожала, глаза ее блеснули, но она не ответила ничего.

Она внутренне поклялась не защищаться ни одним словом.

– Вы мне не отвечаете?

– Это правда, я вас не люблю, – сказала она наконец. – Я не скажу, что вы в меня вселяли ненависть, но мне жутко около вас... Я вас боюсь.

– Если вы уедете, то никогда не увидите вашего сына.

– Я это знаю.

– И это вас не удерживает?

– Нет...

– Могу я спросить вас хотя, куда вы едете?

– В мое имение, в Смоленскую губернию.

– Если вы так настойчиво решили, я вас не задерживаю.

Князь вышел.

В этот же день вечером княгиня выехала из Петербурга.

XIII. Вещий сон

Как громом из ясного, безоблачного неба был поражен Григорий Александрович Потемкин при известии о смерти своего друга и посланника Костогорова.

Он хорошо понял, что за полицейским протоколом о самоубийстве Евгения Ивановича скрывается целая потрясающая жизненная драма, разыгравшаяся в необитаемом домике на 10-й линии Васильевского острова.

В своем пылком воображении Потемкин легко и подробно нарисовал себе почти близкую к истине картину появления оскорбленного мужа в момент разговора Костогорова с княгиней Святозаровой.

Но каким образом князь узнал о месте и времени этого свиданья?

Интрига графини Переметьевой стала ясна Григорию Александровичу. Устройство этого свидания было мезью со стороны отвергнутой невесты князя Святозарова. Григорий Александрович знал подробности сватовства князя в Москве – она и уведомила князя, она и направила орудие смерти на голову несчастного Костогорова, получившего пулю в сердце, предназначенную для него, Потемкина.

Григорий Александрович вздрогнул и невольно перекрестился.

Он был спасен положительно чудом.

Графиня Клавдия Афанасьевна своим змеиным языком сумела раздуть в неудержимое пламя тлевшую в сердце искру любви к Зинаиде Сергеевне, и он не только решил идти на свидание с ней, но даже умолял графиню ускорить его; он заранее рисовал себе одну соблазнительнее другой картины из этого будущего свиданья.

Несколько дней перед тем провел он почти в лихорадочном состоянии; несколько ночей без сна. В ночь под роковую субботу он так же не мог сомкнуть глаз почти до рассвета, но утомленный организм взял свое, и под утро Григорий Александрович забылся тревожным сном.

Вдруг... Он ясно не мог припомнить, было ли это во сне или в полубоддрственном состоянии, он увидел себя перенесенным в Москву, в келью архиерея Амвросия. Ему представилась та же обстановка свиданья с богоугодным старцем, какая была перед отъездом его в Петербург, более двух лет тому назад.

– Не ходи, сын мой, оставайся, на погибель себе идешь... – явственно услышал он голос Амвросия.

Три раза старец повторил эту фразу.

Потемкин проснулся, или лучше сказать очнулся от этого кошмара, обливаясь холодным потом.

– На погибель себе и ей идешь... – звучали в его ушах слова, слышанные во сне.

Они дали толчок другому направлению его мыслей. Он начал рассуждать.

Это самое верное лекарство для влюбленных.

К каким последствиям могло привести в лучшем случае эти свидание? Сделаться любовником княгини. Жить постоянно под страхом светского скандала. Каждую минуту на самом деле готовить гибель себе и ей! То чувство, которое он питал к ней в своем сердце, было первою чистою юношескою любовью, далеко не жаждущею обладания. Ему даже показалось, что обладание ею низведет ее с того пьедестала, на котором она стояла в его воображении, поклонение заменится страстью, кумир будет повержен на землю.

Он вспомнил, кроме этого, другой образ, образ, виденный им недавно в Петергофе, лучезарный образ величественной, гениальной женщины, в руках которой находилась судьба России и милостивая улыбка которой была, быть может, для него преддверием поче-

стей, славы, кипучей деятельности на пользу дорогого отечества, возвышения к ступеням трона великой монархини.

В нем проснулось честолюбивое чувство.

Петергофский образ заслонил собой образ московский.

«На погибель себе и ей идешь!» – снова прозвучали в ушах слова вещего сна.

Он сидел раздетый на кровати в маленькой петербургской квартирке на Московской улице. Он жил в ней вместе со своим приятелем, Евгением Ивановичем Костогоровым, и даже их кровати стояли рядом.

Он познакомился с Костогоровым вскоре после приезда из Москвы, и через месяц, два они стали друзьями и даже из экономии поселились на одной квартире.

« Попрошу Костогорова... – думал Григорий Александрович, смотря на спавшего крепким сном Евгения Ивановича. – Писать неудобно, не ехать совсем и заставить ее понапрасну ждать еще неудобнее; пусть он съездит и деликатно, нежно – он это умеет – объяснит ей все горькие последствия мгновенного счастья...»

Спавший Евгений Иванович Костогоров был в своем роде человек примечательный.

Круглый сирота и уроженец Петербургской губернии, он потерял своих родителей, которых он был единственным сыном, в раннем детстве, воспитывался в Петербурге у своего троюродного дяди, который умер лет за пять до времени нашего рассказа, и Евгений Иванович остался совершенно одиноким.

Всегда ровный характером, мягкий, обходительный, готовый на услугу, он был кумиром солдат и любимцем товарищей. Была, впрочем, одна странная черта в его характере. Несмотря на обходительность и услужливость, он умел держать не только товарищей, но и начальство в почтительном отдалении, внушая им чувство уважения, препятствовавшее близкому сближению и в особенности тем отношениям, которые известны под метким прозвищем амикошонства.

Сам он тоже держал себя в стороне от всех, но эта склонность к уединению, эти старания избегать шумных компаний, объяснялись добродушно знавшими его людьми созерцательностью его характера, его набожностью, действительно сильно развитою, и несколько не оскорбляли товарищей, по-прежнему относившихся к нему со смешанным чувством любви и уважения.

С Григорием Александровичем свело Костогорова именно это чувство набожности.

Только что готовившийся поступить в монахи, уйти от мира и его соблазнов, попавший в полк, чуть ли не прямо из монастырской кельи, Потемкин, конечно, представлял собой находку для Евгения Ивановича. Они очень скоро сделались приятелями, а затем и друзьями.

Этому способствовало и еще одно драгоценное свойство в характере Потемкина, он не любил, как он выражался, рыться в чужой душе, он предоставлял человеку высказываться самому, но никогда не расспрашивал.

Люди же с характером, подобным Костогорову, страстно желают высказаться, но высказаться по своей воле, так как малейшее поползновение узнать что-нибудь от них пугает их и они уходят в самих себя, как улитка в свою раковину.

К этому-то Костогорову и решил обратиться с просьбой заменить его на свидании с княгиней Григорий Александрович.

Он припомнил теперь, как охотно и быстро согласился Евгений Иванович исполнить его просьбу, оказавшуюся роковой, несмотря на то, что Потемкин не сказал ему даже имени дамы, с которой ему придется иметь объяснение.

В общих чертах лишь передал он своему другу историю своей любви и возникновение мысли о назначенном свидании.

О причине, заставившей его отказаться ехать самому, Григорий Александрович умолчал.

Один Потемкин знал тайну смерти несчастного Костогорова. Все остальные, знавшие покойного, как на причину его самоубийства, указывали на странности, обнаруживаемые при его жизни, и посмертная записка умершего – эта последняя, как это ни странно, чисто христианская ложь являлась в их глазах неопровержимым документом.

Найденный в саду пистолет, разряженный на оба дула, в другое время мог вызвать размышление, так как являлось крайне странным, что самоубийца пускает в себя разом две пули и бросает в сад орудие самоубийства.

Самая роскошь отделки пистолета могла вызвать соображение о непринадлежности его покойному, человеку бедному, жившему незначительным доходом с маленького имения в Петербургской губернии.

Соображения эти, впрочем, не пришли почему-то в голову тем, кому следовало.

Евгений Иванович Костогоров был признан самоубийцей и, как таковой, при строгости тогдашних духовных властей, был лишен церковного погребения.

Товарищи покойного, в числе которых был и бледный как смерть Потемкин, проводили тело Костогорова за черту Смоленского кладбища и неотпетое опустили в одинокую среди поля могилу.

Григорий Александрович вернулся с похорон разбитым и нравственно, и физически.

Он разделся и в течение целой недели, отозвавшись нездоровым, не выходил из комнаты.

Это был первый припадок хандры, потом преследовавшей его всю жизнь.

Образ покойного Костогорова как живой стоял перед ним, а Потемкин с рыданиями падал ничком на подушку, не смея по целым часам поднять головы.

Видение исчезало, и на смену ему появлялось перед Григорием Александровичем смеющееся, злобное лицо графини Клавдии Афанасьевны Переметьевой.

Потемкин в бессильной злобе сжимал кулаки.

Злоба была действительно бессильна, так как на другой день после самоубийства Костогорова графиня уехала из Петербурга, как говорят, в Москву, к своей матери, об опасной болезни которой получила будто бы известие.

Отвратительный демонический образ графини сменялся печальным обликом княгини Зинаиды Сергеевны.

У Потемкина останавливалось биение сердца.

Только теперь, когда на любимую женщину обрушилось несчастье, он понял, как действительно сильно он любил ее, как действительно сильно он любит ее и теперь.

С каким неземным наслаждением он припал бы к ее коленям и вместе с ней выплакал их общее горе, созданное их разлукою.

Зачем, зачем он предоставил Костогорову право умереть у ее ног?

Это право было его – он отдал его.

Он стал завидовать лежащему в одинокой могиле.

«Видеться с ней? – мелькнуло в уме. – Нет! Никогда».

Между ним и ею лежал труп его друга.

XIV. Страшный замысел

Вскоре в великосветских гостиных Петербурга распространилась весть об отъезде в свое родовое имение княгини Зинаиды Сергеевны Святозаровой.

Светская сплетня сделала свое дело, и имя княгини и ее странный, несвоевременный отъезд начали сопоставлять с не менее таинственным почти бегством из Петербурга графини Переметьевой и странно совпавшим с этими двумя эпизодами самоубийством офицера в необитаемом доме покойной графини Переметьевой.

Смерть графа Петра Антоновича Переметьева, происшедшая от апоплексического удара, поразившего старика через какую-нибудь неделю после отъезда его молодой жены, подлила масла в огонь, и светские рассказы обо всех этих происшествиях приобрели почти легендарную окраску.

Мы не будем рассказывать эти, подчас довольно пошлые вариации светских сплетен, так как все они были далеки от той истины, которую мы, по праву бытописателя, открыли перед нашими читателями; скажем лишь, что эти толки заняли около месяца, срок громадный для скучающих одним и тем же известием и жаждущих новизны светских кумушек.

Известие об отъезде княгини Святозаровой достигло наконец и Григория Александровича Потемкина.

Чутким сердцем понял он, в связи с рассказом о жизни княгини, слышанном им от графини Переметьевой, всю разыгравшуюся семейную драму в доме князя Святозарова.

Из воспоминаний своего самого раннего детства он знал, что такое ревность необузданного мужчины. Его отец, Александр Васильевич, был человек гордый, порою необузданный и не стеснявшийся в своих желаниях, насколько это позволяло ему его положение. Так, при живой еще первой жене, он женился на второй – Дарье Васильевне, урожденной Скуратовой, и всю жизнь мучил ее своими ревнивыми подозрениями.

Григорий Александрович вспомнил, сколько раз обливала эта несчастная женщина его прижатую к ее груди белокурую головку горячими слезами несправедливой обиды.

Выдержала бы она, если бы ревнивец-деспот вскоре не умер.

Потемкин старался узнать, куда именно уехала княгиня Святозарова, и узнав, что ее родовое имение находится по соседству с маленьким имением его матери, тотчас отписал ей, прося постараться завести знакомство с княгиней и отписать ему, что бы с ее сиятельством ни приключилось, держа в секрете это его поручение.

Мать Григория Александровича, Дарья Васильевна, жившая безвыездно в своем имении, скоро ответила на просьбу сына согласием, а затем описала и первое посещение ею княгини, которая приняла ее «милостиво и ласково» и показалась ей «сущим ангелом».

Вскоре пришло и второе письмо, в котором Дарья Васильевна уже прямо хвасталась пред сыном своею близостью к княгине Святозаровой: «Взяла она меня, старуху, к себе в дружество, – писала она и в доказательство приводила то обстоятельство, что княгиня поведала ей, что “она четвертый месяц как беременна”. – Как она, голубушка, радуется, сына-то у ней муж-изверг отнял, Господь же милосердный посылает ей другое детище, как утешение», – кончала это письмо Дарья Васильевна.

На самом деле, когда княгиня узнала, что она готовится вторично быть матерью, невыразимая радость наполнила ее сердце.

У ней отняли первого ребенка, но Господь ее вознаграждает, сжалившись над ней.

На коленях она благодарила Бога за это счастье.

Перед ней открывалась новая жизнь. Наступившая пустота будет наполнена; она будет жить для своего дорогого ребенка, она изольет на него всю теперь поневоле скрытую нежность своего любвеобильного сердца.

Она в первый раз плакала от радости. Ее посетила мысль о муже.

«Если бы он теперь приехал, я бы открыла ему свои объятия, я бы рассказала ему всю правду, я бы полюбила его – отца моего дорогого будущего детища».

На другой же день она написала ему письмо:

«Господь меня не оставил, Он нас разлучил, но Он дает каждому из нас по ребенку; через пять месяцев я сделаюсь снова матерью», – писала она между прочим.

Она хотела прибавить: «Приезжай, я хочу забыть все, что произошло, я тебе докажу свою невиновность, и мы еще будем счастливы», – но проснувшаяся снова в ее сердце гордость помешала ей написать эти строки.

Письмо княгини, в том виде, в каком оно было написано, возбудило в князе Андрее Павловиче снова лишь сомнение и ревность.

Известие о беременности жены поразило его так сильно, что он чуть было не сошел с ума.

Несчастный рассчитывал время с самыми мучительными подробностями, и по расчету выходило, что это ребенок не его.

Это убеждение укрепилось в его уме.

Он оставил письмо жены без ответа, нанеся ей таким образом новое оскорбление.

Она поняла, что между ней и ее мужем все кончено.

Князь между тем в муках своих страшных сомнений не имел покоя ни днем ни ночью.

Всего более возмущало его то обстоятельство, что этот незаконный ребенок в один прекрасный день явится на свет, – к довершению удара это будет сын, – под его именем и обкрадет его любимого сына, возьмет его титул, права и половину наследства.

Этого он не мог допустить ни в коем случае.

Но как?

Для достижения этого необходимо было одно, чтобы этот ребенок исчез.

Это был единственный выход.

Но нельзя же стереть ребенка с метрического свидетельства – значит, он не должен был иметь метрического свидетельства.

Но как это сделать?

Над этой-то думой князь проводил бессонные ночи.

Наконец в голове его созрел план, который показался ему самым удачным.

Ребенка необходимо украсть тотчас после его рождения и подкинуть кому-нибудь как незаконного.

Он позвал в кабинет своего камердинера Степана Сидорова, которого все в доме, начиная с самого князя, называли сокращенно Сидорыч.

Сидорыч был однолесток графа и когда-то товарищ его детских игр. Он боготворил графа и готов был за него идти буквально в огонь и воду.

Второе он даже доказал на деле, спас тонувшего князя, когда последний еще был мальчиком.

Эта услуга, в связи с привычкой, сделало то, что Сидорыч стал необходимым для князя человеком, поверенным его сокровенных тайн, даже советчиком.

Он был человек природного ума и, находясь постоянно при князе, даже вкусил от образованности, хотя очень поверхностно. Впрочем, и образование самого князя не было особенно глубоким.

– Сидорыч, – сказал ему князь, – я знаю, что ты мне предан, ты доказывал мне это не раз, я за это платил тебе своею откровенностью. Чего я не мог тебе сказать, ты, вероятно, догадывался сам. Таким образом, ты знаешь все мои тайны, даже семейные... Сегодня я должен тебе дать очень важное поручение, которое будет новым доказательством моего к тебе доверия... Но раньше я должен быть вполне уверен, что ты готов мне повиноваться.

– Вы знаете, ваше сиятельство, что на меня можно положиться! – просто отвечал Степан.

– Хорошо, так слушай! Княгиня, ты знаешь, беременна...

Камердинер почтительно наклонил голову в знак того, что это обстоятельство ему известно.

– Через каких-нибудь два-три месяца у нее родится ребенок.

– Ваше сиятельство так любите детей, что, конечно, это доставит вам большую радость! – заметил Степан почтительно, полуфамильярно.

Нельзя было определить, звучала ли в его голосе ирония, или же он совершенно искренно произнес эту фразу. Глаза князя Андрея Павловича сверкнули гневом.

– У меня только один ребенок... Тот, который родится, – не мой, я его не признаю и никогда не признаю.

Степан в ужасе отступил на несколько шагов. Князь подошел к нему ближе и сдавленным шепотом заговорил. Слуга почтительно слушал, но видимо было, что речь князя производила на него страшное впечатление.

– Понял? – спросил его князь.

– Понял! Слушаю-с! – таким же сдавленным шепотом произнес Степан и, шатаясь, вышел из кабинета.

XV. При дворе

Успокоившись за судьбу уехавшей княгини и зная, что мать не применит исполнить его просьбу и будет сообщать обо всем, что случится с любимой им женщиной, Григорий Александрович перестал хандрить и бросился в водоворот придворной жизни.

Быть может, он старался забыться, а быть может, ко двору его влекло пробудившееся со всею силою честолюбие.

Кроме чина подпоручика гвардии, шестисот душ крестьян молодой Потемкин был сделан камер-юнкером.

Мечты честолюбца исполнялись: первый самый трудный шаг – начало было сделано. Он стал известен государыне, которая невольно обратила внимание на величественного конногвардейца, образованного и остроумного.

В первые годы царствования Екатерины жизнь при дворе была непрерывной цепью удовольствий.

Увеселения были распределены по дням: в воскресенье назначался бал во дворце, в понедельник – французская комедия, во вторник – отдых, в среду – русская комедия, в четверг – трагедия или французская опера, причем в этот день гости могли являться в масках, чтобы из театра прямо ехать в вольный маскарад.

Собрания при дворе разделялись на большие, средние и малые. На первые приглашались все первые особы двора, иностранные министры, на средние – одни только лица, пользовавшиеся особенным благоволением государыни. На малые собрания – лица, близкие к государыне.

На последних гостей обязывали отрешиться от всякого этикета. Самой государыней были написаны в этом смысле правила, выставленные в рамке под занавескою.

Правила были следующие: 1) оставить все чины вне дверей, равномерно как и шляпы, а наипаче шпаги; 2) местничество и спесь оставить тоже у дверей; 3) быть веселым, однако ничего не портить, не ломать, не грызть; 4) садиться, стоять, ходить, как заблагорассудится, не смотря ни на кого; 5) говорить умеренно и не очень громко, дабы у прочих головы не заболели; 6) спорить без сердца и горячности; 7) не вздыхать и не зевать; 8) во всяких затеях другим не препятствовать; 9) кушать сладко и вкусно, а пить с умеренностью, дабы всякий мог найти свои ноги для выхода из дверей; 10) сору из избы не выносить, а что войдет в одно ухо, то бы вышло в другое прежде, нежели выступит из дверей. Если кто против вышеописанного поступил, то по доказательству двух свидетелей, должен выпить стакан воды, не исключая дам, и прочесть страничку Телемахиды, а кто против трех статей провинился, тот повинен выучить шесть строк из Телемахиды наизусть. А если кто против десяти провинился, того более не впускать.

При входе висели следующие строки, написанные государыней:

Asseyez vous, si vous voulez.

Ou il vous plaira

Sans qu'on vous le répète cent fois.

Григорий Александрович был принят сперва на средние, а затем и на малые собрания при дворе. Государыня оказывала ему свое благоволение. Ей нравились в нем ум, находчивость и смелость. Он высказывал эти качества очень часто.

Однажды императрица обратилась к нему с каким-то вопросом на французском языке, и он отвечал ей по-русски.

Один из присутствующих при этом знатных сановников заметил Потемкину, что подданный обязан отвечать своему государю на том языке, на котором ему задали вопрос.

Григорий Александрович, ни на минуту не смутившись, ответил:

– А я, напротив, думаю, что подданный должен отвечать своему государю на том языке, на котором вернее может мысли свои объяснить: русский же язык я учу с малолетства...

В другой раз императрица играла в карты с Григорием Орловым. Григорий Александрович подошел к столу, оперся на него рукою и стал смотреть в карты государыни.

Орлов шепнул ему, чтобы он отошел.

– Оставьте его, – заметила государыня, – он вам не мешает.

Распространенное мнение о том, что возвышение Потемкина произошло почти с баснословной быстротою, далеко не верно.

Первые годы его служебной карьеры были из весьма заурядных, и повышение шло довольно обыкновенными шагами. Будущему «великолепному князю Тавриды» приходилось в это время занимать неподходящие должности и делать страшные скачки от одного дела к другому. Сперва он занимал казначейскую должность и надзирал за шитьем казенных мундиров; затем заседал за обер-прокурорским столом в святейшем синоде, «дабы слушанием, чтением и собственным сочинением текущих резолюций навыкам быть способным и искусным к сему месту», – как сказано в указе синоду. Занимая эту должность, он продолжал состоять в военной службе.

Вскоре, кроме того, Потемкин был отправлен курьером в Стокгольм, для извещения русского посла, графа Остермана, о совершившейся перемене в правлении. Там, между прочим, один из шведских вельмож, показывая королевский дворец, ввел его в залу, где хранились трофеи и знамена, отнятые у русских.

– Посмотрите, какое множество знаков славы и чести наши предки отняли у ваших! – сказал вельможа.

– А наши, – отвечал Потемкин, – отняли у ваших еще больше городов, которыми и теперь владеют.

Этот полный достоинства ответ молодого офицера не замедлил сделаться известным при петербургском дворе и в высшем свете.

Государыне особенно понравился этот ответ, и она была одна из ревностных распространительниц его в обществе.

Звезда Потемкина восходила, но восходила не по капризу фортуны-женщины, а в силу на самом деле выдающегося ума и способностей, в которых зоркий глаз повелительницы Севера, славившейся умением выбирать людей, усмотрела задатки будущего полезного государственного деятеля.

Служебные занятия у способного и сметливого Потемкина не отнимали много времени. Свободное время он всецело посвящал двору и свету.

Высшее общество Петербурга, в описываемое нами время, отличалось широким гостеприимством, и каждый небогатый дворянин мог весь год не иметь своего стола, каждый день меняя дома знакомых и незнакомых. Таких открытых домов, не считая в гвардейских полках, находилось множество.

Первыми аристократическими домами тогда в Петербурге признавались царские чертоги следующих сановников: графа Разумовского, князя Голицына, вице-канцлера графа

Остермана, князя Репнина, графов Салтыкова, Шувалова, Брюса, Строганова, Панина, двух Нарышкиных. Приемы у этих вельмож бывали почти ежедневно; на вечерах у них гремела музыка, толпа слуг в галунах суетилась с утра до вечера.

Григорий Александрович, в котором принимала участие сама императрица, конечно, был во всех этих домах желанным гостем. Он был на дружеской ноге с братьями Орловыми, из которых Григорий не называл его иначе как «тезкой». Впрочем, отношения этих знаменитых братьев, Алексея и Григория, к Потемкину не были искренни. Они, как умные люди, предвидели его возвышение, в душе завидовали ему и в тайне интриговали.

Много нашептывалось о молодом камер-юнкере государыне, и это нашептывание было несколько раз причиной временного невнимания императрицы к своему будущему знаменитому подданному-другу.

По странной иронии судьбы, Григорий Орлов первый способствовал приглашению Григория Александровича в интимный кружок императрицы. Потемкин обладал удивительной способностью подделываться под чужой голос, чем нередко забавлялся Григорий Орлов. Последний как-то, в разговоре с императрицей, передал ей об этих «передразниваниях» молодого офицера.

Екатерина пожелала поближе познакомиться с забавником. Спрошенный о чем-то государыней, Потемкин отвечал ей ее же голосом и выговором, чем до слез рассмешил ее.

Так проводил жизнь в Петербурге молодой екатерининский орленок, еще не расправивший как следует крылья, чтобы воспарить в высь к поднебесью и затмить всех орлов ее царствования, включая и братьев Орловых.

Среди великолепного екатерининского дворца, среди вихря светских удовольствий, сменяющихся одно за другим как бы в волшебном калейдоскопе, Григорий Александрович ни на минуту не забывал отдаленного села Смоленской губернии, где жила отшельницей его первая, святая, незабываемая любовь – княгиня Зинаида Сергеевна Святозарова.

С волнением распечатывал он еженедельно получаемые им от матери письма, всегда пространные, в которых словоохотливая старушка шаг за шагом описывала жизнь сиятельной затворницы – «ангела-княгинюшки».

Последнее из этих писем принесло роковое известие.

XVI. Сообщник

Время появления на свет второго ребенка князя Святозарова приближалось.

Камердинер князя Степан, которого мы оставили ушедшим неровною походкою из кабинета князя Андрея Павловича, знал в общих чертах судьбу, приготовленную его баринем этому имеющему вновь появиться существу.

Добряк по натуре, он дрожал при мысли, что на его долю выпало исполнить это страшное дело.

Он был горячо предан своему барину и ставил своим долгом слепое ему повиновение, но в этом случае душа его возмущалась и в его сердце происходила тяжелая борьба.

Исход ее был, однако, в пользу князя Андрея Павловича.

Сидорыч не нашел в своей холопской душе достаточно силы, чтобы открыто протестовать против замыслов его сиятельства и честно и прямо отказаться от возложенного на него гнусного поручения.

Он примирился с необходимостью и, как утопающий хватается за соломинку, схватился за мысль, что, быть может, эта чаша пройдет мимо него.

Вскоре он был снова позван в кабинет к князю.

Предчувствуя тему предстоящего разговора, он явился бледный, трепещущий.

Это, после описанного нами разговора князя со своим камердинером, было уже чуть ли не третье совещание сообщников.

Князю Святозарову, казалось, доставляло наслаждение растревлять рану своего сердца, умышленно бередя ее.

Разговор с единственным человеком, с которым князь мог говорить о своем несчастье, с Степаном, вследствие этого был всегда со стороны князя рассчитанно-продолжительным.

Он то начинал в подробности рассказывать Степану историю своей женитьбы, своей любви к жене и к первому ребенку, ее холодность, ее отчужденность от него, то старался выпытать от него, что он сам знает и думает по поводу его семейного разлада.

Так было и на этот раз.

– Разве ты не знаешь причины, почему княгиня уехала из Петербурга?.. – спросил, между прочим, Андрей Павлович, пристально смотря на стоявшего перед ним Сидорыча.

– Если ваше сиятельство настаиваете, то я отвечу вам правду – я догадался...

– Тогда, значит, ты знаешь, что жена меня обесчестила.

Степан печально наклонил голову.

– Да! – продолжал князь глухим голосом. – Несчастливая имела любовника.

– Вы рассчитались с ним, ваше сиятельство...

– А, ты и это знаешь!..

– Да.

– В таком случае, ты хорошо понимаешь, что ребенок, который должен родиться, не имеет права носить имя князей Святозаровых.

Степан снова испуганно вскинул глаза на своего барина.

– Это не мой ребенок! – выкрикнул уже много раз повторенную им фразу князь...

– Если ваше сиятельство мне позволит... – вставил Сидорыч.

– Говори.

– Я думаю, что ваше сиятельство можете ошибиться.

– Я не ошибаюсь... Но к делу... Итак, ты берешься исполнить мое поручение?..

Степан вздрогнул, но тотчас пересилил себя и с трудом выговорил:

– Для вашего сиятельства я на все готов.

– Слушай же... Необходимо украсть ребенка прежде, нежели его успеют окрестить, а затем надо скрыть его...

– Ваше сиятельство! – только произнес Степан.

– Могу я на тебя рассчитывать или нет? – спросил князь, нахмутив брови.

– Конечно, но...

– Ну?

– То, что ваше сиятельство хочет предпринять, так серьезно...

– Я это знаю, но это необходимо... Я должен это сделать для моего сына.

– Ваше сиятельство подумали о последствиях, которые будут после исчезновения ребенка?..

– Конечно.

– И ваше сиятельство не боится?..

– Я ничего не боюсь, кроме этого незаконного ребенка...

– Но как же исполнить это дело, у вашего сиятельства, вероятно, уже составлен план...

– План... план... – схватился за голову князь. – Никакого определенного плана, надо просто похитить ребенка, пока его еще не крестили, пока он без имени... вот и все...

– Похитить... легко сказать.

– А еще легче исполнить!.. – с раздражением воскликнул князь. – С помощью этого можно исполнить все, если только человек не глуп, как пробка...

Андрей Павлович выдвинул один из ящичков шифоньерки, у которой стоял, и стал кидать из него на письменный стол объемистые пачки крупных ассигнаций.

– Вот тебе средство и плата за услугу... Надо подкупить окружающих княгиню и с помощью их украсть ребенка.

Он продолжал бросать ассигнации. На столе их образовалась внушительная кучка.

– Собирайся... в дорогу... Каждая минута дорога.

Степан стоял, как окаменелый. От вида этого богатства, лежавшего перед ним и отдаваемого в его бесконтрольное распоряжение, у него закружилась голова, остановилось биение сердца.

– Собирайся же! – крикнул князь хриплым голосом.

– Ваше сиятельство... так много...

– Это мало сравнительно с услугой, но если ты доволен – тем лучше... Но смотри, если ты меня обманешь, я отыщу тебя на дне морском и живого изрежу на столько же частей, сколько тут ассигнаций...

– Все исполню, что смогу, иначе возвращу деньги вашему сиятельству, – отвечал Сидорыч.

– Тогда я убью тебя!.. – воскликнул князь.

Степан собрал пачки и скоро они исчезли в его объемистых карманах.

– Что же надо делать с ребенком, если удастся украсть его?

– Надо его отдать в какое-нибудь бедное семейство на воспитание за хорошее вознаграждение. Я завещаю ему капитал, чтобы он мог жить безбедно, но главное, чтобы он никогда не узнал тайны своего рождения... Все это будет идти через твои руки... Мое имя не должно упоминаться... Об этом мы поговорим после, у нас будет впереди достаточно времени, теперь же поезжай с Богом...

– С Богом... – машинально повторил Степан.

Печальная улыбка появилась на его губах. Степан отправился к себе. Много он передумал за этот день и ночь, которую провел без сна.

На другой день он уехал из Петербурга рано утром.

Князь еще не просыпался. Он тоже провел бессонную ночь.

Степан выехал из Петербурга на почтовых, и послушный приказанию своего барина, не жалел на водку ямщикам и потому несся, как принято было называть в то время, «по-курьерски».

Но ни быстрая езда, ни комфорт, который на средства князя мог позволить себе Сидорыч, не могли освободить его от тяжелых, навязчивых дум о страшном поручении, которое ему придется исполнить.

Его доброе сердце не могло не понимать всей гнусности затеянного им с барином дела, и ему то и дело мерещился во сне в даже наяву бедный, ни в чем не повинный ребенок, отнятый от родной матери и брошенный волею одного человека в совершенно другую обстановку, нежели та, которая принадлежит ему по праву рождения.

Действительно ли, что ребенок незаконный?

Имеет князь на это неопровержимые доказательства, или же это просто подозрение, укрепленное злобными чувствами покинутого мужа!

Такие, или почти такие вопросы не давали покоя несчастному Степану ни тогда, как он как вихрь несся по столбовым дорогам, ни тогда, когда он, утомленный бешеной ездой, отдыхал в отведенной ему лучшей станционной комнате.

Что если князь отнимает у матери своего собственного ребенка, что если он его осуждает из пустого подозрения на низкую долю? Тогда ведь поступок его, Степана, является еще более чудовищным. Тогда ведь это такой грех, которому нет и не может быть прощения.

Холодный пот выступал на лбу верного слуги и сообщника князя Андрея Павловича Святозарова.

С другой стороны, Степану был дорог князь Андрей Павлович. Он любил его не только как своего барина, а как товарища детства, друга, родного человека. Для него он готов был на все. Он обещал оправдать его доверие и... оправдать его, хотя бы за это ему пришлось заплатить гееной огненной.

Но кроме этой «геены», которая в уме Степана стала представляться для него неизбежной, но с которой он, в силу своей любви к князю, почти примирился, есть и другой суд, суд земной, суд более близкий, суд, который будет вместе с тем означать, что поручение им неисполнено, так как если он будет уличен в краже ребенка, права последнего будут восстановлены.

А этого именно и не надо.

Ребенок должен исчезнуть, бесследно, навсегда... Как это сделать?

Роковой вопрос восставал перед ним. Князь разрешил его, указав на силу тех ассигнаций, которые зашиты у него, Степана, в нагруднике и кафтане.

Но такая ли сила она?

Степана начало брать сомнение.

Ведь не будет же княгиня молчать и бездействовать, когда у ней украдут только что рожденного ребенка. Ведь у ней есть тоже такая же сила, которую носит на себе Степан, даже, быть может, и большая.

Значит, чья еще возьмет?

Заподозренных окружающих княгиню арестуют, начнут от них допытываться истины и, быть может, даже наверняка, допытываются. Конец обнаруженной нити доведет до него, Степана, и до самого князя, а таким делам и сама государыня не потатчица, не посмотрит на сиятельное лицо, а упечет туда, «куда Макар и телят не гонял!»

Волосы становились дыбом под шапкой несчастного Степана.

В таких тяжелых думах он проехал всю дорогу и достиг наконец села Чиждова, лежавшего в нескольких верстах от Смоленска и в двух верстах от имения княгини Святозаровой.

XVII. Страшный торг

Не зная, как и сам князь Святозаров, подробностей устроенного графиней Переметьевой свиданья с Потемкиным, вместо которого явился на него покойный Костогоров, Степан Сидоров избрал своим наблюдательным пунктом над именем княгини Зинаиды Сергеевны усадьбу Дарьи Васильевны Потемкиной, явившись туда под видом проезжего купца – скупщика хлеба и других сельских продуктов.

Усадьба, как мы знаем, отстояла от имени княгини всего в двух верстах и несомненно была совершенно пригодна для целей княжеского камердинера.

Домик старухи Потемкиной был старинный, построенный без фундамента, так что пол лежал почти на земле. Дарья Васильевна мало занималась своим домом, заботясь единственно только о тепле. И действительно, зимою у нее бывало жарко, но зато летом полу-сгнившая тесовая крыша пропускала течь, так что в зале, во многих местах бумага, которой был оклеен потолок, отмокла и висела в виде широких воронок. Весной же или в сырую погоду нередко через лакейские и девичьи двери, если они оставались непритворенными, в комнаты проникали лягушки и давали о себе знать неблагозвучным шлепаньем по полу.

В этом домике все было по-старому, как будто жизнь, вошедшая в него в начале восемнадцатого века, забылась в нем и оцепенела; мебель, домашняя утварь, прислуга и, наконец, сама Дарья Васильевна, в ее шлафроке на вате и чепце с широкими оборками – все носило на себе печать чего-то, существовавшего десятки лет без малейшего изменения, старого, но не стареющего.

Среди прислуги Дарьи Васильевны самыми приближенными были старик Фаддей Емельянович и его жена Лукерья Петровна.

Для краткости их звали Емельяныч и Петровна.

Первый играл роль дворецкого, а вторая – ключницы.

Как Емельяныч, так и Петровна любили выпить; оба они были одарены большими носами; оба были стары и нежно любили друг друга.

Подойдет, бывало, 60-летняя Петровна к 70-летнему Емельянычу, так, не говоря ни слова, только посмотрит на него значительно, а Емельяныч, подняв свою седую голову, взглянет через окуляры, всегда торчавшие на кончике его носа, пристально в глаза своей Петровны, и вот они уже поняли друг друга.

Фаддей Емельянович возьмет, положит в сторону всегда вертевшийся в руках его чулок со спицами, расседлает нос от окуляров, скинет с гвоздика свой неизменный длиннополый сюртук и ваточный картуз, наденет, и вот они рука в руку идут в кладовую, где хранятся травник и другие целебные настойки, откуда через несколько времени возвращаются домой, хотя и тем же порядком и с тою же любовью, как пошли, но уже со значительно раздумянившимися носами и уже не тою твердою походкою.

В жизнь свою они никогда не ссорились, не спорили и ни в чем не упрекнули друг друга, и когда, гораздо уже позднее нашего настоящего рассказа, умерла Лукерья Петровна, то старик, переживший ее двумя годами, каждое воскресенье ходил версты за три на кладбище, едва передвигая от старости ноги, чтобы только посидеть на могиле своей Петровны.

Появление в усадьбе Дарьи Васильевны заезжего купца, человека бывалого даже в столицах, было приветствуемо гостеприимною по натуре Дарьей Васильевной с живейшею радостью.

Эта радость нисколько не уменьшилось даже и тогда, когда Дарья Васильевна, разговорившись с приезжим за чайком, узнала, что он никогда и не слыхивал о ее сыне, офицере Григории Александровиче Потемкине.

Самолюбие матери было только несколько уязвлено.

Степан Сидорович однако же скоро изгладил это неприятное впечатление, рассказав кучу питерских новостей, а главное, выразив желание купить излишек хлеба, домашней живности, полотен и других сельских продуктов и выложив перед Дарьей Васильевной пачку ассигнаций в форме крупного задатка.

Старушка, жившая далеко не в большом достатке, при тридцати душах крестьян и двух десятинах земли, была очень обрадована свалившимися с неба деньгам и не знала, как угодить и куда посадить тароватого гостя.

Ему отвели горенку рядом с помещением Емельяныча и Петровны.

– Ты у нас, батюшка, погости, не стесняйся... Гостю мы рады-радешеньки, – сказала Дарья Васильевна.

Степану Сидоровичу этого только и надо было.

На дворе стоял апрель 1763 года.

В этот год была ранняя весна и погода стояла уже теплая.

– Погощу, матушка, если позволите, уж больно у вас место хорошо, а и погода стоит расчудесная, а я погулять люблю, подышать чистым воздушком! – отвечал гость.

– Погуляй, родимый, погуляй... – обрадовалась Дарья Васильевна.

Степан Сидорович действительно начал гулять.

Он навел точные справки о состоянии здоровья княгини Зинаиды Сергеевны.

Появление младенца ожидали со дня на день.

В доме находилась повивальная бабка, выписанная из Смоленска.

Все эти сведения Сидорыч получил от Аннушки, горничной княгини Зинаиды Сергеевны, уехавшей вместе с нею, как, вероятно, помнит читатель, из Петербурга.

Последняя, избалованная в столице, до смерти скучала в «медвежьей берлоге», как она называла княжеское имение, где было одно «сиволапое мужичье», с которым, по ее мнению, ей даже говорить не пристало.

Привыкшая к поклонению великосветских лакеев, она не обращала никакого внимания на глазающих на нее парней, не только деревенских, но даже и дворовых, совершенно «неполированных», как определила их в разговоре с княгиней «питерская принцесса», – насмешливое прозвище, присвоенное Аннушке этими же «неполированными» парнями.

Встрече с Степаном Сидоровичем она обрадовалась до нельзя и забросала его расспросами о питерских общих знакомых, и тотчас начала жаловаться на свое печальное житье-бытье в медвежьей берлоге.

Хитрый и проницательный Степан Сидорович тотчас догадался, что преданная княгине горничная озлилась на свою барыню за пребывание в глуши и представляет удобную почву для его планов.

Он напрямик заговорил о поручении, которое дал ему князь Андрей Павлович, и о хорошей награде, ожидавшей ее, если она будет усердной помощницей.

Он показал ей пачку ассигнаций.

– Тут три тысячи рублей... и они будут твоими, на них ты можешь и выкупиться на волю, и сберечь малую толику на приданое... В Питере выйдешь за чиновника и заживешь барыней, а князь не оставит и напередки своими милостями, мало – так получай и пять тысяч...

Так говорил соблазнитель. Степан не ошибся в своей жертве.

Аннушка тотчас поддавалась соблазну и продала свою барыню за пять тысяч ассигнациями.

– Надо тоже подмазать и Клавдию Семеновну... – робко заметила она.

Клавдией Семеновной звали повивальную бабку.

– Подмажем, не твоя забота... Ты только оборудуй, погутаь с ней и приведи ее сюда.

– Да как же это... живого-то ребенка, да украсть?.. Ведь там, окромя меня, прислуга есть... Неровен час, попадешься – под плетью умрешь... – недоумевала Аннушка.

– Надо так, чтобы не попасться... Да погоди маленько, я это дело обмозгую, еще ведь не скоро.

– Да Клавдия Семеновна говорит, что еще денька четыре, а может, и вся неделка.

– Значит, еще время нам не занимать стать... Погодь, обмозгую...

Степан Сидорович, несмотря на далекий путь, все еще действительно не обмозговал, как безопаснее устроить порученное ему князем страшное дело.

Как он ни думал, как ни соображал, все выходило по русской пословице: «Куда ни кинь, все клин».

Покончив переговоры с Аннушкой, он снова стал обдумывать окончательно план, и снова ничего не выходило.

Счастливым или, вернее, несчастным случай помог ему выйти из затруднительного положения, когда приходилось чуть ли не отказываться от исполнения княжеского поручения, сделав половину дела. Судомойка в доме Дарьи Васильевны Потемкиной – Акулина была тоже на сносях и полезла в погреб, оступилась и родила мертвого ребенка – девочку.

В доме все завывали и заохали. В числе сочувствующих несчастью был и Степан Сидорыч, только что вернувшийся со свидания с повивальной бабкой, соглашавшейся помочь его сиятельству за тысячу рублей, только чтобы «без риску» и «под ответ не попасть».

При виде мертвенького младенца Степана Сидорыча осенила мгновенная мысль. План был составлен.

Он отвел в сторону Емельяныча и шепнул ему:

– Уступи мне младенца... говорю... двести рублей дам, а то и поболе.

– С нами крестная сила... Сгинь... разрушься... Да воскреснет Бог и расточатся врази его.

Емельяныч стал истоиво креститься.

Но дьявол, принявший, по его мнению, образ почтенного купца, не исчезал.

– Уступи, говорю, мне до зарезу надобно; коли двести рублей мало... еще сотнягу набавлю...

Видя, что он имеет дело не с «злым духом», а с человеком, у Фаддея мелькнула мысль, что купец повредился умом, и он опрометью бросился из людской, где лежала больная с мертвым ребенком, к барыне.

– Что еще? – воскликнула Дарья Васильевна, увидя бледного, как смерть, Емельяныча, вошедшего в угловую гостиную.

– С купцом нашим, матушка-барыня, не ладно...

– С каким купцом?

– Да вот с этим, с питерским...

– Что же случилось?

– В уме, видимо, повредился, родимый!

– Что же он сделал?

– Никаких пока поступков, только несет совсем несуразное.

– Что же, говори толком?

– Младенца просит продать ему за триста рублей.

– Какого младенца?

– Акулинина.

– Мертвого?

– Так точно...

– А ты ноне в амбар не ходил?

– Ни маковой росинки.

Дарья Васильевна пристально посмотрела на Фаддея, и убедившись, что он совершенно трезв, сама сперва перетрусилась не на шутку и лишь через несколько времени придя в себя, приказала привести к себе Степана Сидорыча.

XVIII. На чистоту

Когда Емельяныч привел Степана Сидоровича к Дарье Васильевне, последняя сделала ему чуть заметный знак, чтобы он остался присутствовать при разговоре.

«Еще оборони Боже, бросится с безумных глаз драться!» – мелькнула у нее трусливая мысль.

Она пристально посмотрела на стоявшего перед ней с опущенной головой Степана.

Тот был окончательно смущен.

Работая уже несколько недель над приисканием безопасного способа исполнить страшное поручение своего барина, и работая безуспешно, осенившая его мысль при виде мертвого ребенка, разрешающая все сомнения и долженствовавшая привести все дело к счастливому концу, до того поразила его, что он тотчас полез с предложением уступить ему мертвого младенца к Фаддею Емельяновичу, не приняв во внимание, что подобное предложение, в свою очередь, должно было поразить старика своею необычайностью, и последний, несмотря на соблазнительный куш, не только откажется, но доведет этот разговор до сведения своей барыни.

Степан Сидоров все это сообразил только тогда, когда уже старик, снова войдя в людскую, сказал осторожно и мягко:

– Войди в комнаты, барыня тебя кличет...

Отступать было нельзя, и Степан машинально отправился вслед за Емельянычем, без мысли о том, как ему придется объяснить странное предложение, сделанное Фаддеем.

Потому-то он и предстал перед Дарьей Васильевной с поникшею головою.

– Ты чего это у меня тут смутьянишь... тебя честь честью приняли, как гостя, а ты так-то за гостеприимство платишь... Думаешь, задаток дал, так у меня и дом купил, так возьми его назад, коли деньги твои в шкатулке в прах не обратились, ты, может, и впрямь оборотень...

Дарья Васильевна говорила отрывисто и громко, стараясь придать возможную строгость своему голосу, хотя внутренне страшно трусила.

Мысль, что он «оборотень» показалась до того страшной Степану Сидоровичу, что он невольно вскинул глаза на говорившую.

Дарья Васильевна в них не прочла ожидаемого безумия и несколько успокоилась.

– Что за шутки со стариком Емельянычем шутишь? Кажись, он тебе в отцы годится, а накое, что выдумал, у него мертвых младенцев приторговывать... напугал и его, да и меня даже до трясушки... Говори, с чего тебе на ум взбрело такие шутки шутить?..

Степан Сидорович стоял ни жив ни мертв; он чувствовал, что почва ускользает из-под его ног, что так быстро и так хорошо составленный план рушится... Если он повернет все в шутку, случай к чему давала ему в руки сама Дарья Васильевна, мертвого младенца зароят, а за ним все-таки будут следить, и все кончено.

План исполнения воли князя останется снова неосуществленным.

Все это мгновенно промелькнуло в голове Степана.

Он решил действовать начистоту, и вдруг совершенно неожиданно для Емельяныча и для Дарьи Васильевны бросился в ноги последней.

– Не вели казнить, матушка-барыня, вели помиловать, – заговорил он, лежа ничком на полу.

– Что, что такое, в чем простить?.. – встала даже с кресла Дарья Васильевна.

– Я не купец... не торговец...

– Кто же ты?

– Я камердинер его сиятельства князя Андрея Павловича Святозарова.

– Святозарова? – воскликнула Дарья Васильевна, и снова, но уже совершенно машинально, опустилась в кресло.

– Точно так, матушка барыня, точно так-с...

Мы уже знаем, что Дарья Васильевна, по поручению сына, была знакома с княгиней Зинаидой Сергеевной, и по ее рассказам, а также из писем Григория Александровича, знала, что княгиня, разошлась с мужем, который ее к кому-то приревновал, и уехала в свое поместье, чтобы более не возвращаться в Петербург.

Других подробностей княжеской размолвки она не знала, но и этих сведений для нее было достаточно, чтобы сообразить, что появление камердинера князя близ имения его жены, появление с большой суммой денег – из рассказов Емельяныча Дарья Васильевна знала, что у купца деньжищ целая уйма, – было далеко неспроста.

Покупка мертвого ребенка, в связи с каждым час ожидаемым разрешением от бремени княгини, – Дарья Васильевна знала это, так как бывала в Несвицком, имении княгини, почти ежедневно, и даже отрекомендовала ей повивальную бабку, – тоже показалось для сметливой старушки имеющей значение.

Она вспомнила усиленные просьбы сына по возможности сообщать ему подробные сведения о княгине и о том, получает ли она какие-либо вести от своего мужа, то есть князя Андрея Павловича, камердинер которого теперь лежал у ее ног, и решила выпытать от последнего всю подноготную.

– Зачем же тебе или твоему князю понадобился мертвый ребенок? – уже прямо спросила она его.

– Все скажу с глазу на глаз, матушка-барыня... – поднял с земли голову, не вставая с колен, Степан.

– Встань, – сказала Дарья Васильевна, уже совершенно оправившаяся от первоначального испуга. – Ступай, Емельяныч, ты мне больше не нужен.

Старик направился к двери, окинув подозрительным взглядом Степана Сидорыча.

Последний все продолжал стоять на коленях.

– Встань! – повторила Дарья Васильевна. – и рассказывай...

Степан встал с колен.

– Только не ври... – добавила Потемкина.

– Как на духу расскажу всю истинную правду, матушка-барыня, – заявил Степан.

Он действительно во всех подробностях рассказал Дарье Васильевне поручение князя Андрея Павловича, не признающего имеющего родиться ребенка княгини своим, не скрыл и известного ему эпизода убийства князем любовника своей жены, офицера Костогорова, и кончил признанием, что им уже подговорены и горничная княгини, и повивальная бабка.

«Господи Иисусе Христе, Господи Иисусе Христе...» – только шептала про себя набожная Дарья Васильевна, слушая страшный рассказ княжеского камердинера.

– Что же вы с младенцем этим делать-то хотите, изверги? – прерывающимся от волнения голосом спросила она.

– Князь, как я вам докладывал, изволил приказать украсть, раньше чем его окрестят, чтобы, значит, он его фамилию не носил... Наша холопская доля – что приказано, то и делать надо... князь-то у нас строг, да и человек сильный... У самой государыни на отличке... Только так украсть-то несподручно... княгиня тоже молчать не станет... и тоже управу найдет... так оно и выходит по пословице: «Паны дерутся, а у холопов чубы трясутся».

– Что же делать?

В силе и значении князя Святозарова Дарья Васильевна не сомневалась; она слышала сама эту фамилию, да и сын писал ей о его несметном богатстве и высоком месте при дворе. Борьба против его воли ей, как и Степану, казалась невыносимой, потому-то она даже повторила как-то растерянно:

– Что же делать?

– Да уж я давно ума приложить к этому делу никак не сумею... Надумал я одно... тысячу, другую рублей повивальной-то отвалить... согласится, живорезка... только уж грешно больно... младенец невинный... ангельская душа...

– Чего ж ты надумал?

– Да так, легонько давнуть, как принимать станет... много ли ему, ангельчику, нужно, и дух вон...

– С нами крестная сила! – не своим голосом крикнула Дарья Васильевна. – Душегубство какое задумал... И из головы это выбрось... грех незамолимый...

– Знаю, матушка-барыня, знаю, и самому во как боязно, только что же поделаешь, тоже свою шкуру от князя спасти надо... Живого не украсть, как он приказал, а иначе никак не сообразишь, как и сделать... Княгиня-то тоже не наша сестра, заступу за себя найдет...

– Ох, Господи! – вздохнула совершенно ошеломленная Потемкина.

– Вот, матушка-барыня, как увидел я мертвенького Акулинина младенца, и озарила меня мысль, без греха тяжелого дело это оборудовать, и княжескую волю исполнить, и ангельской души не губить...

– Это как же?

– Подменить...

– Что-о-о?

– Подменить, младенцев-то... Акулинин-то сойдет за княгинюшкина, а княгинюшкин-то сюда, будто он Акулинин, а князь за деньгами не постоит, его на всю жизнь обеспечит... Уж больно я той мысли возрадовался, матушка-барыня, да Емельянычу и бухнул... а он, вишь, как перепугался, да и вас перепугал, матушка-барыня!..

Степан замолчал.

Дарья Васильевна тоже молчала, низко опустив свою седую голову.

Она думала.

План Степана Сидоровича относительно подмены ребенка показался ей не только исполним, но и чрезвычайно удобным в том отношении, что она всегда будет в состоянии возвратить ребенка его матери и раскрыть гнусный поступок князя и его слуги. Для всего этого ей нужно было посоветоваться с сыном, которому она подробно и опишет все происшедшее здесь и сделает так, как он ей укажет.

«Ему с горы виднее, а мы здесь люди темные!» – мелькнуло в ее голове.

Горой почему-то она считала Петербург.

– Что же вы мне, матушка-барыня, скажете, как ваша милость решит, так и быть...

– Что же, по-моему, ты дело надумал... Я распоряджусь, поговорю с Емельянычем, возьми ребенка, а княгинина принеси сюда, да поосторожней, не повреди как-нибудь, да не простуди...

– Уж будьте покойны, матушка-барыня, в целости и сохранности представим. Дозвольте к ручке вашей милостивой приложиться, сняли вы с меня петлю вражескую... от геены огненной избавили...

Дарья Васильевна протянула Степану руку.

Тот горячо поцеловал ее. Потемкина не чувствовала, что на ее руку капнуло что-то горячее.

Степан плакал.

С его души на самом деле спала страшная тяжесть. Исполнить волю князя теперь было более чем возможно.

Она и была исполнена...

После разговора Дарьи Васильевны с Емельянычем, Степан вышел на свидание со своими сообщниками со свертком в руках.

В эту же ночь княгиня Зинаида Сергеевна Святозарова родила мертвого ребенка – девочку.

В доме же Дарьи Васильевны Потемкиной, в ее спальне, появилась люлька, где спал сладким сном спеленутый здоровый новорожденный мальчик.

Акулина была рада, что за ее ребенком, – от нее, когда она на другой день пришла в себя, скрыли подмену, – так ухаживает барыня, допуская ее лишь кормить его грудью.

Дарья Васильевна обо всем подробно написала сыну.

Это-то роковое известие и получил от матери Григорий Александрович.

XIX. Екатерина – человек

В то время, когда совершались описанные нами в предыдущих главах события, которыми семья Потемкиных, сперва сын, а затем мать, роковым образом связала свою судьбу с судьбою семьи князей Святозаровых, Григорий Александрович вращался в придворных сферах, в вихре петербургского «большого света», успевая, впрочем, исполнять свои многочисленные обязанности.

Его выдающиеся способности позволяли ему употреблять на это гораздо менее времени, нежели бы понадобилось другому, и сама государыня, следя за успехами выведенного ею в люди молодого офицера, все более и более убеждалась, что не ошиблась в нем, что его ум, энергия и распорядительность принесут в будущем несомненную пользу государству, во главе которого поставила ее судьба.

Своим зорким взглядом великая монархиня провидела в Потемкине государственного деятеля, имя которого не умрет на скрижалях истории.

Но, несмотря на это, возвышения в чинах Григорий Александрович, как мы уже имели случай заметить, шли далеко не быстро, – государыня, видимо, испытывала его.

Потемкин со своей стороны платил ей восторженным благоговением, и это чувство придавало ему бодрости, веру в свои силы и в достижении цели, которая, как мы знаем, была та же, что и в ранней его юности, и выражалась тою же формулою: «Хочу быть министром».

Эта мысль и уверенность преследовали Григория Александровича с утра до вечера и с вечера до утра, и суеверный по природе, он еще более укрепился в них после виденного им сна, показавшегося ему чрезвычайно знаменательным.

Этот сон он видел как раз после получения им письма от Дарьи Васильевны, в котором старушка обстоятельно описывала совершившийся «пассаж» в доме княгини Святозаровой, просила совета, что сделать с посланным ей Богом при таких исключительных обстоятельствах ребенком.

Григорий Александрович несколько раз перечитал письмо, прежде чем принялся за ответ.

Он был сильно взволнован.

Все недавнее прошлое восстало перед ним, образы несчастного Костогорова и не менее, если не более, несчастной княгини Зинаиды Сергеевны, появились один за другим перед его духовным взором.

– Нет, князю не удастся его дикая, нелепая месть... – вслух промолвил Григорий Александрович. – К тому времени, когда этот ребенок вырастет, я буду в силе, и эта сила даст мне возможность восстановить его права... Теперь же пусть пока его сиятельство вместе со своими достойными сообщниками утешаются мыслью, что достигли своей цели – повергли в ничтожество незаконного сына княгини.

Он сел писать письмо матери.

Он писал долго и медленно, и поздняя ночь застала его за этой работой.

Наконец он окончил и запечатал пакет.

Измученный пережитым и перечувствованным, он, наскоро раздевшись, бросился в постель, но долго не мог заснуть: княгиня и ее сын не выходили из его головы.

«Я возвращу ей его, когда буду министром...»

С этим решением он заснул.

Странный сон посетил его.

Он увидел себя в обширной, светлой комнате, стены которой увешаны громадными зеркалами.

В глубине этой комнаты, на высоком троне, сидела императрица в наряде, который она надевала в высокаторжественные дни, в бриллиантовой короне на голове, в светлозеленом шелковом платье, в корсаже из золотой парчи, с длинными рукавами, на котором одна под другой были приколоты две звезды и красовались две орденские ленты с цепями этих орденов.

Вся фигура императрицы была как бы прозрачной и от нее лился лучами какой-то фосфорический свет.

В комнате никого не было, кроме его, Потемкина.

Он преклоняет колена перед этим чудным видением и, случайно взглянув в одно из зеркал, видит, что несколько лучей, исходящих от императрицы, освещают его фигуру, так что и он сам кажется облитым фосфорическим светом.

Но странное дело: вдруг какая-то темная дымка окружает его фигуру – он перестает видеть свое отражение в зеркалах, тогда как образ «русской царицы» разгорается все ярче и ярче.

Потемкин проснулся.

Снова величественный образ монархини наполнил его сердце, вытеснил оттуда все воспоминания прошлого.

Отправив наутро письмо, Григорий Александрович отдался суете придворной жизни, работе, вознагражденный за последнюю лицезрением своей «богини», как он мысленно называл государыню.

Не один он, впрочем, боготворил в то время императрицу – ее боготворила вся Россия.

Ее любили не только люди, но и животные.

Последние, даже те, которые дичились всяких ласк, встречая государыню, давали ей себя ласкать, чужие собаки со двора прибегали к ней и ложились у ее ног. После бывшего, незадолго до нашего рассказа, большого пожара в Петербурге, голуби слетелись тысячами к ее окнам и нашли там пристанище и корм.

Про ангельскую доброту государыни ходили по городу целые легенды.

Императрица вставала в шесть часов, когда в Зимнем дворце все спало, и, не беспокоя никого, сама зажигала свечи и разводила камин.

Однажды она услышала громкий, неизвестно откуда исходящий голос.

– Потушите, потушите огонь!..

– Кто там кричит? – спросила она.

– Я, трубочист, – отозвался голос из трубы.

– А с кем ты говоришь?

– Знаю, что с государыней, – отвечал голос, – погасите только поскорее огонь, мне горячо.

Императрица тотчас сама залила огонь.

Она не любила тревожить прислугу и часто говорила:

«Надо жить и давать жить другим».

Если она звонила, чтобы ей подали воды, и камер-лакей спал в соседней комнате, то она терпеливо ждала.

Встав с постели, государыня переходила в другую комнату, где для нее были приготовлены теплая вода для полоскания рта и ледяная для обтирания лица.

Обязанность приготовления всего этого лежала на особой девушке, камчадалке Алексеевой, часто бывавшей неисправной и заставлявшей императрицу подолгу ждать.

Раз Екатерина рассердилась и сказала:

– Нет, уж это слишком часто, взыщу, непременно взыщу...

При входе Алексеевой, она, впрочем, ограничилась следующим выговором:

– Скажи мне, Екатерина Ивановна, или ты обрела себя навсегда жить во дворце? Смотри, выйдешь замуж, то неужели не отвыкнешь от своей беспечности, ведь муж не я; право, подумай о себе...

Однажды, в Петергофе, прогуливаясь в саду, императрица увидела в гроте садового ученика, который имел перед собою четыре блюда и собирался обедать.

Она заглянула в грот и спросила:

– Как ты хорошо кушаешь. Откуда ты это получаешь?

– У меня дядя поваром, он мне дает...

– И всякий день по стольку?

– Да, государыня, но лишь во время вашего пребывания здесь.

– Стало быть, ты радуешься, когда я сюда переселяюсь?

– Очень, государыня! – отвечал мальчик.

– Ну, кушай, кушай, не хочу тебе мешать! – сказала государыня и пошла далее.

Все служащие при государыне были к ней беззаветно привязаны и полнейшее ее неудовольствие повергало слуг в большое горе.

Один из ее камердинеров и самый любимый, Попов, отличался необыкновенной правдивостью, хотя и в грубой форме, но императрица на него не гневалась.

Как-то государыня приказала ему принести часы, объяснив, какие именно.

Попов ответил, что таких у нее нет.

– Принеси все ящики, я сама посмотрю, коли ты упрямисься! – сказала императрица.

– Зачем их понапрасну таскать, когда там часов нет.

– Исполни, а не груби... – заметил бывший при этом граф Орлов.

– Еще правда не запрещена – она сама ее любит... – возразил Попов. – Я принесу, мне что же.

Ящики были принесены, но часов не нашли.

– Кто же теперь неправ, вы или я, государыня? – спросил Попов.

– Я, прости меня... – отвечала та.

В другой раз, не находя у себя на бюро нужной бумаги, императрица сделала тому же Попову выговор.

– Верно, ты ее куда-нибудь задевал! – сказала она.

– Верно, вы сами куда-нибудь ее замешали... – грубо отвечал он.

– Ступай вон! – с досадой крикнула Екатерина.

Попов ушел.

Скоро найдя бумагу в другом месте, она приказала позвать Попова к себе.

Последний, однако, сразу не пришел.

– Зачем я к ней пойду, когда она меня от себя выгнала... – возразил он.

Только по третьему зову предстал он перед очами своей государыни.

Раз рано утром императрица взглянула в окно и увидела, что какая-то старуха ловит перед дворцом курицу и никак не может поймать.

– Велите пособить бедной старухе; узнайте, что это значит? – приказала она.

Государыне донесли, что внук этой старухи служит поваренком и что курица казенная – краденная.

– Прикажете же навсегда, – сказала Екатерина, – чтобы эта старуха получала всякий день по курице, но только не живой, а битой. Этим мы отвратим от воровства молодого человека, избавим от мученья его бабушку и поможем ей в нищете.

После того старуха каждый день являлась на кухню и получала битую курицу.

Волосы государыни были очень длинные, так что, когда она сидела в кресле, достигали до полу.

Убирал их ежедневно парикмахер Козлов, жена которого жила вне Петербурга.

Государыня однажды осведомилась у него о здоровье последней.

– Пишет, государыня, что здорова.

– Как, неужели она не приезжает видеться с тобой?

– Да на чем, нанимать дорого, казенных же теперь не дают; вы нам много хлопот наде-
лать изволили, сократив конюшни.

В то время только что ввели сокращения по конюшенному ведомству.

– Не верю, однако же, чтобы с такою точностью исполняли мое приказание и чтобы по
знакомству выпросить было невозможно. Скажи мне откровенно?

– Сказал бы, – отвечал Козлов, – но боюсь, как бы не прознал это обер-шталмейстер.

– Нет, ручаюсь, что все останется между нами! – успокоила его императрица.

– Тогда знайте, что все старое по-старому: лишний поклон – и коляска подвезена;
только не проговоритесь, не забудьте обещания.

– Ни-ни! – сказала царица и держала тайну.

В числе дворцовых поваров был один очень плохой, но государыня не увольняла его
и, когда наступала его очередная неделя, говаривала:

– Мы теперь на диете, ничего, попостимся, зато после хорошего поедим.

Однажды государыня выслушивала чей-то доклад, а в соседней комнате придворные
играли в волан и так шумно, что заглушали слова читавшего.

– Не прикажете ли, – сказал он, – велеть им замолчать?

– Нет, – отвечала императрица, – у всякого свои занятия, читай немного погромче и
оставь их веселиться.

Такова была великая Екатерина – как человек.

Недаром имя «матушки-царицы» окружено было для современников ореолом доброты
и мудрости.

Последнее качество, впрочем, уже было качеством императрицы.

XX. Императрица

Кроме обаятельного образа человека и женщины в императрице Екатерине были все качества идеальной правительницы.

Она с большим правом и в лучшем смысле, нежели Людовик XIV, могла сказать: «Государство – это я».

Действительно, несмотря на свое иноземное происхождение она так сроднилась с Россией, что составляла с ней одно целое, недаром русская история приняла для целой эпохи название «екатерининской».

Государыня идеально усвоила русскую речь и даже многие русские привычки. Она парилась в русской бане и употребляла часто в разговоре пословицы.

Она была очень религиозна и строго исполняла все правила православной церкви, ходила на литургии, всенощные, говела и соблюдала посты.

Мнение народа она ставила выше всего, даже в мелочах.

Государыня редко каталась по городу – ей не позволяли этого ее многочисленные занятия, но однажды, почувствовав головную боль, она села в сани, проехала и получила облегчение.

На другой день у государыни была тоже боль головы, и ей советовали употребить вчерашнее лекарство, то есть опять ехать в санях, но она отвечала:

– Что скажет про меня народ, когда бы увидел меня два дня кряду на улице?

С утра государыня садилась за дела; в кабинете все бумаги лежали по статьям, по разведенному порядку, на одних и тех же местах.

Перед нею во время чтения бумаг ставилась табакерка с изображением Петра Великого.

Императрица говорила, смотря на него:

– Я мысленно спрашиваю это великое изображение, что бы он повелел, что бы запретил, или что бы стал делать на моем месте.

Занятия государыни продолжались до девяти часов.

После девяти первый к ней входил с докладом обер-полицеймейстер.

Государыня расспрашивала его о происшествиях в городе, о состоянии цен на жизненные припасы и о толках про нее в народе.

Узнав, что говядина от малого пригона скота поднялась в цене с двух копеек до четырех, она приказала тотчас же выдать деньги на покупку скота и, таким образом, понизить цены.

После обер-полицеймейстера входили: генерал-прокурор – с мемориями от сената, генерал-рекетмейстер для утверждения рассмотренных тяжб, губернатор, управляющий военною, иностранною коллегиями и так далее.

Для некоторых членов назначены были на неделе особые дни, но все чины в случаях важных и не терпящих отлагательства, могли и в другие дни являться с докладом.

Из кабинета государыня переходила в парадную уборную, где представлялись ей некоторые вельможи в то время, когда ей убрали голову.

Туалет государыни продолжался не более десяти минут: прислуживала ей калмычка Алексеева, гречанка Палакучи накалывала ей наколку и две сестры Зверевы подавали булавки.

Прием в уборной государыни почитался знаком особенной царской милости.

В начале своего царствования государыня принимала все просьбы лично, но когда в Москве просители во время коронации стали перед ней на колени полукругом и преградили

ей дорогу к соборам, а армяне подали ей вместо просьб свои паспорта, государыня лично уже просьб не принимала.

Скажем несколько слов о начале ее светлого царствования.

23 июля 1762 года императрица Екатерина II издала первый свой манифест, в котором говорилось о причинах, побудивших ее занять престол своего мужа.

В заключение манифеста императрица заявила, что она вступила на престол по явному и нелицемерному желанию своих подданных.

Для того чтобы закрепить дело, императрица поторопилась с назначением времени для своей коронации, и не далее, как через неделю по восшествии на престол был обнародован манифест об имеющем совершиться в сентябре месяце того же года коронации.

Этот манифест вышел в один день с манифестом о кончине Петра III.

1 сентября государыня выехала из Петербурга совершенно незаметно. В столице не знали о цели ее поездки.

Распоряжения по торжеству коронации были поручены князю Никите Юрьевичу Трубецкому.

Приготовлением короны занят был И.И. Бецкий.

Сделанная корона поражала своим богатством: в ней находилось пятьдесят восемь одних крупных бриллиантов, большого жемчуга семьдесят пять штук; вообще корона оценивалась тогда знатоками в два миллиона рублей.

9 сентября императрица приехала в подмосковное село Петровское, а 13 сентября происходил ее торжественный въезд в древнюю столицу.

В числе сопровождавших императрицу был и Григорий Александрович Потемкин.

Все улицы первопрестольной столицы были убраны ельником, наподобие садовых шпалер, обрезанных разными фигурами. Дома и балконы украшены были коврами и разными материями.

Для торжественного въезда императрицы, устроено было четверо триумфальных ворот: на Тверской улице в Земляном городе, на Тверской улице в Белом городе, в Китай-городе, Воскресенские и Никольские в Кремле.

У Никольских ворот императрицу встретил московский митрополит Тимофей с прочим духовенством и говорил ей краткую поздравительную речь.

Коронация императрицы происходила, с обычными церемониями, 22 сентября.

Первенствующим архиереем при коронации был архиепископ новгородский Дмитрий Сеченов, возведенный в день коронации в сан митрополита, а следующим за ним был митрополит московский Тимофей Щербатский.

На медалях, выбитых в честь коронации Екатерины, на лицевой стороне был изображен бюст императрицы, на другой стороне были надписи: – сверху – «За спасение веры и отечества», внизу – «Коронована в Москве сентября 22 дня 1762 года».

По случаю коронации императрица многих своих приближенных осыпала своими милостями, выразившимися в повышении чинов, в пожаловании шпаг с бриллиантами, в награждении орденами.

Имя Потемкина, однако, в числе награжденных не встречается.

28 сентября императрица давала праздник собственно для народа.

К этому празднику заказаны были особого рода экипажи, украшенные резьбой и позолотой; на них устанавливались жареные быки с многочисленной живностью и хлебами.

Эти экипажи в день народного праздника разъезжали по улицам города и служили источником народного угощения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.